

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ...

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ, Или история этого фотоснимка

Этот миг из фронтовой жизни Великой Отечественной войны запечатлел на фотографии шестьдесят лет назад военный фотокорреспондент Израиль Озерский. На ней во весь рост перед всем миром встает наитягчайший солдатский труд. Так шли к победе простые советские воины, чтобы защитить от врага свою семью, свой дом, свою Родину. Шли долгие четыре года. И победили!

Снимок обошел газетные полосы многих стран, выставлялся на многочисленных фотовыставках, пока нако-

нец не был опознан запечатленный на нем солдат.

Фронт наступал. Наступал и 928-й артиллерийский полк со своими пушками первой линии огня, метко окрещенными фронтовиками “Прощай, Родина”. В составе полка прошел до победы крестьянин из села Памятное Белозерского района Федор Ефремович Речкин. Я больше чем уверен - он и не видел, как щелчок фотокамеры запечатлел образ его и образ войны навеки.

Вернувшись с фронта, Федор Речкин многие годы работал завхозом в Памятинской школе. Однажды вернувшись из Москвы, директор школы подошел к Речкину и сказал: “Скромняга вы у нас, Федор Ефремович. В Москве с вас большую фотографию военных лет показывают, а вы помалкиваете”.

Директор был в столице в канун Праздника Победы и на одной из фотографий фотовитрины ТАСС опознал завхоза школы. А некоторое время спустя шла телепередача, посвященная воинам-победителям. В семье Речкиных вечером, как обычно, смотрят телевизор. И вдруг жена Речкина схватила мужа за плечо: “Федя, так это же тебя показывают! Смотри! Смотри!”

А по щекам Речкина текли слезы.

Прибежал к Речкиным сосед-фронтовик Николай Афанасьевич Семенов с поздравлениями:

“Тебя, Федор, сейчас по телевизору показывали! Видел? Вот здорово... Поздравляю!”

Ветераны направили письмо в Москву, в фотоархив Советской Армии. Вскоре получили подтверждение, что на снимке запечатлен момент наступления 928-го артполка летом 1944 года. В составе его и воевал Федор Ефремович Речкин.

Снимок с той поры и стал достопримечательностью районного краеведческого музея.

Геннадий УСТЮЖАНИН

Александр БАРХАТОВ

СПАСЛА МЕДАЛЬ

Александр Иванович Бархатов родился в 1910 году в поселке Боровлянского Стеклозавода. Призван с первых дней войны. Воевал до последнего часа. Награжден медалями “За боевые заслуги”. “За оборону Заполярья”.

Случилось это в Заполярье. Однажды после награждения решили мы с ребятами обмыть свои медали за “Боевые заслуги” в общем котелке. Закурили, опустили медали, слили свои солдатские 100 граммов и пустили котелок по кругу. Вдруг по котелку щелчок, и ручеек из котелка. Заткнули пальцем дырочку и допили, вернее – донюхали, что осталось от наших боевых.

Откуда был выстрел, не заметили, Обход линии связи был постоянным, так как фашистские снайперы без конца перебивали провод. Только наладим связь – опять порыв. Сидел снайпер, видимо, специально по нарушению связи. Сколько при обходах ребят полегло.

Решили мы однажды разыграть ложную проводку линии, чтоб снайпера засечь. Потянул я катушку с небольшим проводом. Выстрел. Пополз дальше – выстрел. Вот тут-то ребята его и засекли, и дали по нему очереди. Пополз дальше – не стреляет, решил проверить, поднял на стволе пилотку – не стреляет. Решили проверить то место, подползли: лежит немец, лицом уткнувшись в винтов-

ку. Сидел он между выступами двух камней, серый, как и эти камни.

А это произошло, когда я был уже на Белорусском фронте, служил при штабе. Прервалась связь при разговоре командиров. А мы только вернулись с линии и срочный приказ – наладить связь. Пополз с ребятами по ходу провода, обнаружили повреждение, соединили – нет связи. Поползли дальше, перебит в том месте, где провод был поднят на столб – (перебитая береза), забрался, соединяю наверху, вдруг засвистели пули: по каске, затем по поле шинели и в грудь. Ну, думаю все, успеть бы связь дать, а потом, Сашка, падай. Голова с затылка горит, что-то теплое потекло, бедро ноет. Скатился вниз, ребята смеются, а я не могу понять, а только думаю, сейчас упаду. Рукою ощупываю грудь, крови нет. Пуля застряла в кармашке нагрудном, где внутри, вместе с патроном, в котором запись: где родился, откуда призван, год рождения, прицеплена была медаль. Пуля попала в нее, расстреляла медаль, а на теле лишь ожог небольшой. Вот так я остался жив. Медаль спасла мне жизнь. Не зря “обмывал” в котелке родную. Глянул, над чем ребята смеются: а у меня на бедре нет полы шинели, сквозной очередью пули ее прошли, а тело не поцарапали. Они смеются, а я гляжу и плохо их вижу и слышу, шум в ушах, стук. Когда сняли каску, а там запеклась кровь, пуля навывлет – боковая, зацепила шею.

Отлежался в санчасти и дальше. Дальше Польша, Германия, Победа.

Очень был хороший у нас командующий 1-м Белорусским фронтом генерал Константин Константинович Рокоссовский, очень его любили солдаты. Мне пришлось поработать при штабе, знал не понаслышке. Очень уважали маршала Ивана Степановича Конева. Мне пришлось воевать в объединенных фронтах и по связи общаться с ними.

Григорий СЫРНИКОВ

ЗАПИСКИ ТАНКИСТА

Григорий Львович Сырников родился в 1906 году в Белозерском районе. Здесь прошла его комсомольская юность. В 1930 году он вступил в коммунистическую партию и до конца дней своих был активнейшим ее бойцом.

Через Великую Отечественную войну Сырников прошел с танкистами 237-й и 100-й танковых бригад 31-го танкового корпуса от жесточайших боев на огненной Курской дуге до Праги. Был ранен, контужен. Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны 2 степени, орденом Отечественной войны 1 степени, многими медалями, а также чехословацким крестом “За храбрость”.

После войны Григорий Львович трудился директором совхоза, вторым секретарем Сафакулевского райкома КПСС, председателем Мехонского райисполкома, первым секретарем Половинского райкома партии. За самоотверженный труд в послевоенные годы Григорий Львович Сырников удостоен ордена Ленина, многих медалей.

ПОД ГРАЙВОРОНОМ

Приказ комкора 31 был краток: «Прорваться к развилке дорог Грайворон—Антоновка—Головчино, оседлать мост и сдерживать движение частей 17-й дивизии немцев, которая разгружается на станции Головчино. Сдерживать не менее суток».

Заместитель командира танкового корпуса полковник

Жидков в беседе с нами еще раз напоминает: «Продержаться любой ценой до второй половины дня. За это время другие части завершат окружение немецкой дивизии».

Впереди других мы на танке Иванова выскакиваем к мосту. В комсомольском экипаже Иванова ребята лихие, обстрелянные. Не дожидаясь подхода других танков, с ходу обрушиваемся на поток машин и бронетранспортеров противника, идущих из Головчино на Грайворон. Силами подоспевшего танкового взвода Протопопова заканчиваем разгром вражеских колонн.

Вскоре прибыл и комбат Полянский с главными силами батальона и приданными подразделениями. Развилку дорог перекрыли танковыми засадами. Наш командный пункт — танк Т-34 Иванова, штабная полуторка, а также машина с радиостанцией — разместился у моста.

Погода резко изменилась. Темные тучи погасили краски дня, пошел проливной дождь. Вода достает нас и под машиной. Молнии режут черную пелену ночи. А нам хочется спать. Ах, как хочется...

Помпотех роты Вася Селиванов трясет меня за плечо:

— Шум моторов на дороге! Откуда?

Мы с начальником штаба Борисовым и моим ординарцем Митей идем за Селивановым на дорогу. Ясно прослушиваются буксующие мотоциклы.

— Впереди же наша танковая засада, откуда мотоциклы? — недоумевает Борисов.

Прямо в нас уперлась буксующая трехколесная машина. На наш оклик взметнулась ракета. Перед нами на дороге была целая колонна вражеских мотоциклистов.

Все, кто был на КП, бросились врукопашную. Грязь, темень. С кем-то столкнулся, отскочил, и, как молотом, — над ухом выстрел. Осветил лицо стрелявшего, тоже стреляю в упор — фашист падает. Бегу к танку Иванова. Экипаж, как всегда, действует решительно: включив

фары, втаптывает мотоциклы в грязь.

Позже выяснили, что в танковых засадах, измотанные непрерывными боями, танкисты уснули. Хорошо, что немцы их не обнаружили и прошли мимо.

Пока мы приводили в порядок боевое охранение и танковые засады, начало светать. Вскоре из Головчино, выходя по дороге, вышла большая колонна вражеских танков, бронетранспортеров и автомашин с пехотой.

Мы дали колонне вытянуться из Головчино полностью и, распределив с Полянским и Борисовым наши наличные силы, ударили по фашистам.

Удар был сильным — били двадцать танковых пушек. 24 танковых и два станковых пулемета, две пушки 76-мм. Кроме того, вели огонь мотострелки.

Вражеская колонна заметалась под морем огня. Пулеметы косили разбегавшуюся пехоту врага. Бой затих так же внезапно, как и возник.

Перегруппировавшись, враг вновь усилил нажим. Наши танковые засады пятятся к мосту. Наш КП уже в центре боя. Комбат Полянский посылает меня к Сибирову снять взвод автоматчиков с двумя станковыми пулеметами и прикрыть отход батальона, в котором осталось не более взвода танков.

На «виллисе» я быстро доставил пулеметы, и мы их огнем стали отсекал идушую за вражескими танками пехоту.

Уже полдень. Продержаться еще бы часок!.. Старший лейтенант Протопопов с опытным механиком Сальниковым на танке маневрируют вокруг ветряной мельницы, сдерживая выход немцев к мосту. А у моста насмерть стоит комсомольский экипаж лейтенанта Иванова. Надо спасти раненых бойцов, их становится все больше и больше. Вывожу из боя изрядно помятый танк Протопопова, и мы размещаем на нем тяжелораненых. Те, кто в состоянии держаться на ногах, идут за танком...

Отход группы прикрывает своим огнем экипаж танка Иванова. Мы с Борисовым бежим к разбитой машине-радиостанции. Радисты убиты. Берем уцелевшую рацию и пытаемся догнать ушедшую группу, но мы уже отрезаны от неё немцами. Умолк танк героя-комсомольца Иванова. Танки и бронетранспортеры с пехотой врага вышли на мост. Автоматчики рассыпались по скошенному полю ржи.

От быстрого бега при жаре Борисов совсем запарился.

— Иди, Григорий, один, — говорит он, — больше не могу.

Тяну его к копне соломы. К счастью, солома рыхлая. ...Ныряем в неё. Слышим, как совсем рядом пробегают немцы, строчат из автоматов.

Сквозь соломенную сетку перед глазами видим, как к копне ковыляет немец. Присел и вдруг вскочил, почувствовав опасность. Пытается вытащить из кобуры пара-беллум. Но Борисов опережает — стреляет ему в грудь. Тащим фрица под копну.

Под вечер добрались до поля подсолнечника. Валюсь на не просохшую от ночного дождя землю. Смотрю в небо. Борисов сидит рядом, в руках пистолет — война есть война.

Словно из-под земли вырастает надо мной тень. Из-за шляп подсолнечника на меня смотрят большие, навывкате, удивленные глаза. Оба онемели от неожиданности. Резкий треск выстрела выводит меня из оцепенения. Это Борисов «завалил» немца. Вырывает из рук убитого автомат, вытаскивает из за голенищ его сапог магазины с патронами. Ликует:

— Теперь, Григорий, воюем! Автомат, пара-беллум, два пистолета.

Вскоре слышим русскую речь. По крепким выражениям сразу узнаем, кому она принадлежит. На краю поля стоит наш Т-34. На нем с биноклем в руках стоит Прото-

попов. Табором расположились танкисты и автоматчики.

—Наши! Свои!

— А мы уже думали, каюк вам, — довольно улыбается Протопопов и сжимает нас в объятиях.

Мы выполнили поставленную перед нами задачу. Удержали развилку даже дольше положенного времени. Но наш отход ценою собственной жизни прикрыли танкисты героического экипажа комсомольца Иванова. Это позволило батальону объединить разрозненные группы и провести удачную операцию под Новостройкой.

Благодаря отваге комсомольского экипажа многие танкисты и бойцы мотострелкового батальона остались в строю и прошли тяжелыми военными дорогами до самого Берлина.

Танкисты Иванова похоронены у моста, на развилке дорог, идущих в сторону Антоновки и Головчино. И пусть каждый, кому придется проезжать или проходить через мост, низко поклонится праху этих героев Курской битвы.

БОИ ПОД ВИННИЦЕЙ

Помню, в боях 24 - 25 января 1944 года я получил 13 приказов, разноречивых и непонятных. А враг напирал со всех сторон, “дыр” было много, мы с Борисовым все же действовали не наобум, а исходя из обстановки.

- Мы к противнику ближе – нам и виднее, - говорит смелый и решительный, как всегда, толковый, наш начальник штаба Борисов Алексей. Не успеешь дать приказ и перестроить порядки, а тут уже новый. А вслед за ним еще новый приказ. Один другому перечит. Здесь надо голову и крепкие нервы.

Ведем бой в “Подкове”. Враг уже с трех сторон, выйдя большой силой из Брицкое, простреливает наши порядки. А из штаба корпуса прибыл майор не то Глота, не то

Локота. Требуется немедленно атаковать Брицкое. Пока он до нас добирался, обстановка стала другая, и мы уже получили другие задания. Но есть же на свете солдафоны, они были, есть и, к сожалению, еще будут. Я и Борисов мотаемся с отражением атак врага, сдерживаем напор фашистов, а солдафон-майор гнет свое:

– Поворачивай, капитан, все танки на Брицкое и немедленно!

Это же ловушка для нас всех, загубим без толку людей и технику, - возражает Борисов.

- Да и приказы у нас другие, - доказываю я.

А майор-солдафон свое, он уже угрожает нам трибуналом. Перемигнулись с Борисовым, подозвали парторга Жирухина и моего ординарца Крючек.

- Взять майора под арест и отвезти в штаб корпуса как вредную личность, - скомандовал я ребятам. Они скрутили ошарашенного майора и усадили в коляску мотоцикла, а там и в Очеретню, в штаб корпуса.

- Ну не миновать нам трибунала, - говорит Борисов.

- Бог не выдаст, свинья не съест, - успокаиваю я его.

Удивительно то, что комкор №1 генерал Григорьев и начальник штаба полковник Володин, наши действия признали правильными, выслушав мои объяснения, генерал сказал:

- Еще Суворов учил, что каждый солдат должен свой маневр иметь, а офицер тем более. Нам голова дана не только шапку носить, а думать и ответственность на себя брать.

Вспоминается курьезный случай – “радио-беседы” с врагом. Под Ротмистровкой на нашу волну по радиации пристроились фашисты. Я даю приказ комроты Сибирову: - “Ваня, прикрой свой фланг от Бяла взводом Газалова. Немец на ломаном русском языке: - “Вани, не слушай, а пока жавой удирай в Должин, тамо девки, вареника, самогона многа.

- Поганый фриц, не мешай командовать! - ругаюсь я, - возьму Ротмистровку - тебя первого за ноги повешу.

Так с перерывами всю ночь мы "любезно" объяснялись с противником, и как только мы друг друга не высирали, не хуже, чем запорожцы турецкого Султана. Но в такой напряженной обстановке эта забава была нелишней.

БОЙ НА ПЕРЕПРАВЕ В ЗАОВО

Приказал старшему лейтенанту-комсомольцу Шлыкову Василию Борисовичу с саперами капитана Ненушьяна охранять переправу, отражать выход противника к мосту. Ночь, но, видя силуэты танков врага, навел Василий свою пушку не через прицел, а через канал ствола и лупанул без промаха. Поджог один танк, запылав, тот осветил другие. Три танка подбил так Вася Шлыков. Танки немцев засеки и машину Шлыкова. Удар снаряда по башне, звенит все, а на башне лишь вмятина. Ударом второго снаряда покалечило ходовую, сорвало люк, осколками Шлыкова ранило в плечо и голову. Приказав экипажу покинуть танк, он продолжает один вести огонь по врагу. Иду с ординарцем и насильно вытаскиваю Шлыкова из танка, а он сопротивляется, кричит: - «У меня еще осталось три патрона». А сам весь в крови. Укладываю его на свой танк. А саперы Ненушьяна тем временем взорвали переправу, отрезав нажим противника на неопределенное время.

Живет герой Шлыков Василий Борисович в Москве. А сколько таких Шлыковых, скромных тружеников Великой Отечественной войны, живет сейчас среди нас?

МЕДСЕСТРА

Наша атака на Романов хутор имела большое значение для всей 38-й армии. Оказывается, овладев Романовым, мы позволили частям двух стрелковых дивизий

соединиться с другими войсками 38-й армии, не допустить окружения. Этот населенный пункт так и остался в наших руках до весеннего наступления армии Москаленко. Как ни странно, но приказ о взятии Романова помогла нам выполнить сестра милосердия Лиза. Когда мы уже вышли на исходные позиции со своими танками, то выяснилось, что пехоты от всего полка в строю осталось лишь 21 человек. В артдивизионе 85-ти миллиметровых пушек - всего две, а снарядов нет совсем.

Части 38-й армии по приказу свыше срочно перебрасывались за Тягуны. Спешат к переправе. На грейдере видим колонну «Катюш». Начальник штаба Борисов бежит к ним и просит дать хоть один залп по Романову. Но у них другая задача, спешат сосредоточиться за переправой. Вскоре медсестра из пехотного подразделения подходит ко мне и говорит: «Готовьтесь к атаке, «Катюши» поддержат» - и, махая своей авторитетнейшей на войне сумкой с красным крестом, побежала на грейдер. Останавливает колонну «Катюш».

Со слезами и руганью, а больше авторитетом «Красного креста», заставила дать из 8-ми установок залп по Романову. Вслед за разрывами мин из гвардейских минометов мы ринулись в атаку и овладели населенным пунктом.

Обалдевшие от неожиданности и мощи огня пленные немцы говорят: - «Катюша, Катюша, а потом танки. Мы думали контрудар большими силами русские наносят, а потом смотрим...».

- Смотри, не смотри, а живей в колонну стройтесь, расосуливать некогда, - кричит им старшина из пехотинцев.

Я спрашиваю сестру: «Как зовут тебя, милая? Фамилия? Я где-то вас видел. Уж больно личность памятная?».

Она небрежно: «На войне все знакомые», - забросив за плечо свою санитарную сумку, шлепая валенками по весенней луже, побежала к своим пехотинцам.

Сижу на башне танка, спустив мокрые на ногах валенки на горячие жалюзи, от них пар клубится. Лейтенант Чижииков с водителем Т-34 Сашей Скороходовым возятся, сменяя порванные на mine траки гусеницы. Пленных ведут толпой, как стадо баранов, впереди, согнувшись от усталости, топают разбухшей не по сезону обувкой сестра милосердия.

Что-то из далекого детства встает в памяти. Нахлынули, беря за самое сердце, воспоминания. Напрягая свою память, ловлю себя на том: “Это ведь моя родная “Пухова слобода” в образе озорной, шароглазой Лизки пришла мне на помощь в трудную минуту мою. Ну, конечно же, это Фадеева Елизавета. Она сегодня открыла мне окошечко в прошлое, мною не забытое. Тесен бывает мир.

Как добра и милосердна наша память. 30 лет минуло, а облик близких людей, дом, улица, омуток, незабываемые плесы Тобола, разнолесье Глядена, Кочелят – все в неизменном виде преподносит мне добрая память. Прошлое стоит перед глазами. Тысячами нитей человек связан со своим прошлым. Пройдут многие годы, историей станут и наши бои с фашистами, но память людей будет, как на фундамент, опираться на наше могучее прошлое, возводя новое будущее. Да, прошлое живет в нас. На него будут опираться наши внуки и правнуки в будущем. Прав философ, записав: “... только дикость, подлость и невежество забывает прошлое...”.

Никогда человек не может отказаться от того, что есть в нем, что заложено в него предками. И хранить это он обязан.

ШТРАФНИКИ

...Наш танковый батальон поставили в оборону юго-западнее Очеретни. Гановка-Нападовка занимала дивизия СС “Адольф Гитлер”.

В охранение к нам выделили батальон штрафников, который расположился в наспех вырытых окопах в 200 метрах впереди наших позиций. Наблюдая за противником и нашим штрафным охранением, мы обеспокоились. Бойцы штрафного и немецкой стороны солдаты во весь рост разгуливают перед своими окопами, не реагируя на соседство противной стороны. И стрельбы нет.

Сабиров говорит: “Я на этих штрафников не очень-то надеюсь”. А мы с Борисовым иного мнения – они не подведут!

Часто, даже после войны о штрафниках незаслуженно говорят с пренебрежением и это зря. Нельзя забывать, что этих провинившихся перед обществом, государством людей ставили на самые горячие участки фронта. Делая правильно. Прощтрафился – отвечай. Совесть и честь твоя испытывается огнем. И они, эти провинившиеся люди, сражались с врагом честно. Мне вспомнился случай в Кургане в 30-х годах. В очереди за хлебом рабочие ругают не порядки. Подошел один плюгавенький “господин” и начал: “Вот до чего со своей революцией и социализмом дожили, стыд!”

Один из тех, кто только что бранил порядки, обрушился на плюгавого: “Ты, гад, нашу революцию и социализм не тронь, то как врежу, глаза выскочат на лоб!”

-Так ты же сам сейчас ругал власти, - укорил его “господин”.

- Так я же свою власть рабочую критикую за беспорядки, а ты, гад, куда замахваешься – на социализм, на революцию. А Советскую власть мы в обиду вам, гадам, не дадим.

Так и штрафники.... Злобы у них к Советской власти не было, и они дрались за нее, как и все советские люди, живота не жалея...

Пришли мы с Борисовым к командованию штрафного батальона. Капитан, лейтенант и солдат сидят обедают.

Наливают нам спирту в банку из-под консервы. Мы пить отказались, не время. Из-за стола поднялся рослый солдат, в короткой шинельке не по росту, притаптывая большими без обмоток ботинками, придирчиво спросил: “С нашим братом штрафником выпить гнушаетесь? Да знаете, я полковник, завтра царапнет осколок - и я при всех регалиях, а у меня их целый иконостас, тогда вы передо мной шапку ломать будете.

- Ну что правильно, то правильно. Что заслужишь, то и получишь, а теперь чего зазря ковыряться, - мудро ответил Борисов. - И мы покинули наших задиристых соседей.

В эту же ночь, пользуясь беспечностью штрафников, “Власовцы”, вырезав минометные расчеты, утащили минометы вместе с плитами. Наутро штрафники, разъяренные наглостью противника, сильным пулеметным огнем загнали немцев и их приспешников в окопы. До вечера не давали им из них высунуться. А ночью поднялись в атаку, захватив первую и вторую линию окопов, перебили в рукопашном бою массу противника, до восьми десятков пригнали пленных и на виду вражеской стороны расстреляли их на нейтральной поляне.

Когда мы после этого их посетили, чтобы поговорить о недопустимости подобного впредь, то они кричали: “Ни одного гада и подлеца не будем брать в плен! Они, суки, первыми насвинячили!”

Полный текст воспоминаний Григория Львовича Сырникова хранится в Каширинском литературно-краеведческом музее.

**Владимир ЕРМАКОВ
И БОИ,
И РАНЫ,
И НАГРАДЫ**

Владимир Ефимович Ермаков родился 14 января 1922 года. После окончания средней школы прошел курсы всеобуча и был направлен во второе Харьковское танковое училище. Офицер-танкист, четырежды ранен, дважды контужен. Воевал с июня 1941 года по апрель 1946 года. Награжден 18-ю орденами и медалями. Живет ветеран в селе Боровском.

Май 1941 года. Второе Харьковское танковое училище я закончил хорошо, получил звание старшины, специальность техника-регулировщика и прибыл в 19-й танковый корпус, который был дислоцирован в Литве.

20 июня нас четверых отпустили в увольнение на трое суток в город Каунас. А утром 22-го военный патруль остановил нас на улице и приказал немедленно отправляться в комендатуру города. Здесь мы и услышали о нападении гитлеровцев. В части ждали нас всех из увольнения.

Так для меня начался длинный военный путь. Бои шли жестокие, короткие стычки чередовались с длительными сражениями. В августе в бою за Жмеринку я был первый раз ранен в ноги. Лечение в Ростове на Дону, затем

отдельный пулеметный батальон, я – помкомвзвода. Не было ни одного дня затишья, фашисты рвались вперед, мы оборонялись, порой переходя в контратаки.

Помню бой за высоту, на которой укрепились враги. Она господствовала над местностью, несколько попыток взять ее штурмом окончились неудачей. Тогда было принято решение захватить ее не “нахрапом”, в лоб, а со смекалкой солдат. Было решено взвод разделить на три отделения и с трех сторон одновременно атаковать. Время атаки 00 часов 30 минут. Каждая группа на рубеж атаки должна была выйти самостоятельно. Отделение, которым я командовал, к исходным позициям вышло, лучше сказать выползло, первым.

Осмотрелись, рассредоточились в цепь.

Не получив в установленное время сигнала к атаке, решил действовать самостоятельно. Дал тихо команду, и все мои девятнадцать бойцов осторожно поползли к вершине. Немцы, ранее отбив несколько наших атак, видимо, успокоились, тем более ночь стояла, хоть глаз коли.

До вершины оставалось метров пятнадцать, когда мы рванули в атаку. Все дело было кончено в несколько минут.

Только потом подошли остальные два отделения. Старшие группы решили, что командовать обороной занятой высоты буду я. Отправив связного с донесением в штаб батальона, заняли круговую оборону. А с рассветом к нам прибыл заместитель командира батальона капитан Лубянников, поздравил всех за умелые действия, вместо моего изорванного ремня подарил мне свой.

Обороняли высоту долго и успешно. Потом наша часть была отведена на пополнение. Да, забыл, за захват и оборону высоты я получил первую медаль “За отвагу”.

В конце мая 42-го года начались тяжелейшие бои, наши части отходили к Дону. Горели деревни, села, леса, бомбежка шла почти беспрерывно. Нам было приказано переправиться через реку и там занять оборону.

В бою за поселок Моисеев из нашей группы осталось в живых и не раненых только трое. Немцы оказались уже в нашем тылу. Днем передвигаться было опасно. Вечером подошли к селению, не знали ничего. Мои спутники пошли в село, чтобы разузнать, что к чему. Я ждал их в лесополосе с винтовкой с одним патроном. Решил дожидаться темноты и идти за своими товарищами. И вдруг услышал звуки губной гармошки, сначала подумал, что мне снится. Но через заросли увидел человека в немецкой форме на лошади. Подпустил вплотную и почти в упор выстрелил. Фашист! Я понял, что в селе враги и если они услышали выстрел, мне конец. Быстро затянул лошадь в лесополосу, снял с убитого автомат, сапоги, часы и бинокль, сел на коня и понесся от селения.

На часах, что снял с немца, было два ночи. Привязав лошадь, решил отдохнуть. Утром тронулся дальше, когда поднялось солнце, я был в зарослях ивняка и камыша. Прошло около часа, на дороге показалась повозка. Отлегло от сердца, ехали наши, и они подсказали куда ехать.

До поселка оставалось с километр, когда, внезапно появившись, меня остановил дозор. Слава богу, свои! Показал им документы, но они, забрав их, оружие, повели меня в штаб. Здесь, младший лейтенант, после моего рассказа о мытарствах, только хмыкнул: "Я в армии уже полгода и меня не проведешь". Сняли с меня сапоги, ремень и посадили у штаба с двумя охранниками по бокам. Сажу, жду решения своей участи.

Видимо, все-таки я счастливый человек, вдруг из-за угла дома вышел... майор Лубянников. Когда поравнялся с крыльцом, я его окликнул. Он повернулся, всмотрелся и спросил:

- Это ты, старшина?
- Я, товарищ майор.
- Почему ты раздет и босой?

Я объяснил. Когда меня позвали в штаб, я увидел

младшего лейтенанта, стоящего на вытяжку и что-то бор-мочущего. Конечно, мне все вернули. Вновь зачислили в часть, поставили на довольствие.

С этим полком пришлось пройти до степей Калмыкии. Здесь в бою за поселок Верхний Яшкуль был ранен в обе руки и попал в астраханский госпиталь. А это был всего июль 1942 года.

После излечения воевал в роте автоматчиков 126-й стрелковой дивизии, которая защищала Сталинград. Дрались за каждую улицу, каждый дом... Думаю, мне нет нужды об этом рассказывать, подвиг защитников Сталинграда – одна из ярчайших страниц мужества и героизма советских солдат.

В одном из боев я был контужен. После Калтышимского госпиталя со своим родным полком в дыму, боях дошел до Крыма, здесь нашла меня фашистская разрывная пуля. Из госпиталя города Сальска в марте 1943 года попал в десантные войска и трижды ходил в составе морских десантников, освобождал Новороссийск.

После боев на Огненной земле в составе третьего механизированного корпуса шел на запад. И в сентябре 44-го года снова был ранен, на этот раз в живот, а лечился уже “рядом” с домом – в Свердловском госпитале № 354.

В ноябре, после переподготовки, снова направлен на фронт. Новое ранение – в лицо, потерял полностью зрение на левый глаз и почти семьдесят процентов правого. Снова врачи, госпитальные койки... Здесь и встретил радостную весть – мы победили! Мой скромный вклад в войну был достойно отмечен.

Вот сейчас, на излете жизни, мне все-таки 80 лет, иногда думаю: сколько же может выдержать человек? Ранен был в ноги, руки, живот, голову, дважды контужен. И мне ясно – многое может человек, если он бьется за правое дело. А мы дрались за Родину, свои леса и поля, за свои семьи. Потому не согнулись, потому сломали хребет фашизму!

Александр КОРОВИН

ПАРНИ С НЕБА

Коровин Александр Савельевич родился в 1921

году в деревне Пухово. До призыва в армию работал в местном колхозе «Борцы революции».

В армию призван в октябре 1940 года. Служил в Киевском особом военном округе начальником поста службы воздушного наблюдения, оповещения и связи. С 22 июня по октябрь 1941 года участвовал в обороне Киева. 2 февраля сорок второго года после выхода из так называемого Киевского окружения был зачислен в состав местного партизанского отряда, который позднее вошел в подчинение кавалерийского партизанского соединения под командованием Героя Советского Союза генерал-майора Михаила Ивановича Наумова. Был разведчиком, командиром отделения отрядной разведки, служил в Главразведке соединения.

После освобождения Киева партизанский отряд был расформирован. Александр Савельевич был командирован на службу в Украинский штаб партизанского движения, где находился до августа 1944 года.

С октября 1944 года воевал в составе интернационального партизанского отряда на территории Чехии и Моравии сначала разведчиком, а с декабря сорок четвертого и до конца войны начальником штаба отряда.

После войны продолжал службу в 25-м учебном танковом полку, дислоцированном на Увале в Кургане. Из ар-

мии демобилизовался в августе 1946 года в звании старшины.

Окончил курсы старших бухгалтеров и работал по специальности на разных предприятиях города. В сентябре 1956 года назначен главным бухгалтером Курганского завода химического машиностроения и проработал в этой должности более 25 лет до выхода на пенсию в 1981 году.

Александр Савельевич Коровин награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За оборону Киева», «Партизану Отечественной войны» I степени, «За освобождение Прага», «Партизан Чехословакии», Чехословацким Военным Крестом и другими наградами.

В 1943 году, за несколько дней до праздника Великой Октябрьской социалистической революции, командир нашего партизанского кавалерийского соединения Герой Советского Союза генерал-майор Наумов Михаил Иванович подписал Приказ о выступлении на помощь регулярной армии в освобождении Киева. Но вскоре из штаба партизанского движения сообщили по радию, что Киев освобожден. Последовал новый приказ: часть отрядов, в том числе и наш, 2-й Киевский, продолжают движение навстречу регулярным войскам, а основной состав выходит в рейд дальше на запад на Житомирщину, Львовщину, в Закарпатье. Этот рейд впоследствии называли «Степным».

В полдень 7 ноября мы вошли в освобожденный Киев. До войны я видел его красивым, сияющим, в зелени садов и парков. А сейчас были сплошные руины, обгоревшие остовы зданий, груды битого кирпича... Город представлял огромное пепелище.

После расформирования отряда меня зачислили в один из отделов Украинского штаба партизанского движения. Но мне хотелось вернуться к своим, в партизаны. И добился своего: меня зачислили в состав оперативной группы для работы на территории оккупированной немцами

Чехословакии. Группа состояла из 15 человек. Семеро - Матвей Андреев, Руфина Красавина, Виктор Осипов, Михаил Шиянов, Владимир Зачупейко, Иван Лабунский и я – советские люди и восемь человек - словаки. Это - Игнац Газуха, Даниил Дибдяк, Виктор Рудкай, Ян Новак (псевдоним), Ян Гудец, Иозеф Кагала, Ян Сильный, Штефан Канька.

Командиром был назначен Иван Андреевич Лабунский - волевой, опытный военный, родом из Винницы. Все мы, кроме врача Руфины Красавиной, радистов Володи Зачупейко и Матвея Андреева, бывшие партизаны, имевшие опыт боевых действий в тылах противника на Украине и в Белоруссии.

После специальной подготовки, в октябре 1944 года мы поездом через Львов и Перемышль прибыли в Польшу. 24 октября 1944 года вечером мы были на аэродроме. Получили парашюты, подогнали ремни, укрепили понадежнее вещмешки, радиостанцию, медикаменты, еще раз все проверили. Сопровождающий захлопнул дверь, взревели моторы. Остался внизу темный, без единого огонька, польский город Жешув. Мы летели в неведомые нам места.

К несчастью, самолет сбился с курса, и мы десантировались на много километров в стороне от намеченного места. К тому же во время высадки допустили оплошность: при первом развороте выбросились только семь человек, при втором - остальные восемь. Вторая группа приземлилась на расстоянии более десяти километров от первой, а мешки с грузами оказались и того дальше.

Отлично помню и сейчас все подробности полета и высадки. Самолет набрал высоту. Ярко светила луна, а под нами - плотные слои тумана. Стали выбрасываться на парашютах. Как только врезались в туман, всякая видимость исчезла. Ощупываю автомат, пистолет, финку. И вдруг, неожиданно сбоку из мглы проступают постройки. Село! Вокруг - огороды, кусты. Рвануло, отнесло чуть

в сторону и стукнуло о землю. Машинально стараюсь погасить парашют. Вслушиваюсь. Тишина. Подтягиваю к себе купол, скручиваю. Автомат наготове. Слышу чьи-то осторожные шаги.

- Три...

- Восемь, - раздается в ответ. Пароль у нас цифровой - «одиннадцать». Первый должен назвать любое число, а второй ответить числом, чтобы в сумме получилось одиннадцать.

Подошел чем-то сильно раздосадованный Ян Сильный.

- Что с тобой, Янек?

- Потом, Саша.

Видим, прямо на нас движется огромный детина. И без пароля узнали - Миша Шиянов.

Тысячи верст от родного дома... Несчастья преследуют нас: мало того, что нас выбросили не там, где намечалось, при приземлении сломал ногу Виктор Осипов; не явился к месту сбора Ян Гудец.

- Он приземлился недалеко от меня, - тихо докладывает командиру Ян Сильный. - Поздравил с приземлением и сказал, что уходит домой, и чтобы на его поиски зря времени не тратили. (Уже после войны мы узнали, что Гудец живет где-то в Праге. Предательства, кроме дезертирства, он не совершил).

Где мы, кто и что нас окружает? Есть ли поблизости полицаи, немецкие гарнизоны? Ян Сильный и Штефан Канька ушли в разведку.

А мы с Лабунским пытаемся оказать помощь Виктору Осипову. Дело плохо, опухоль растет. Разрезали сапог, кое-как сняли его. Сделали компресс, перетянули ногу.

Когда вернулись ребята из разведки, при свете карманного фонарика определили по карте место высадки. Рядом (это выяснили разведчики) деревня Липице, километрах в трех-четыре от нас на карте обозначен лес. Родной наш дом! Двинулись туда. И вскоре были на его

опушке. Остановились отдохнуть, поесть, а главное - поразмыслить.

По существующему у десантников правилу, если на месте приземления не соберется вся группа, местом сбора должен быть пункт, который заранее намечен на карте. Но до него, как мы определили, не менее сотни километров. Сам путь, хотя и неблизкий, нас не страшил, но как быть с Виктором? Через день мы устроили Виктора у надежных людей. Впоследствии узнали, что он командовал партизанским отрядом имени Сталина. Но тогда всю ночь мы не сомкнули глаз.

На рассвете, когда стали отчетливо видны стволы деревьев, мы спустились в ущелье, обильно поросшее кустарником. Здесь протекал ручей. Выбрали удобное место, решили расположиться на дневку. Четверо - Ян Сильный, Иозеф Кагала, Штефан Канька и я - пошли осмотреть лес и долину. Не партизанский это был лес! В отличие от лесов Белоруссии здесь было чисто, вся территория просматривалась на большое расстояние.

Часа через два в долине появился человек, он был чем-то сильно озабочен и не сразу заметил нас. Оказалось, что он из соседнего села, ищет пропавшую корову. Он рассказал, что поблизости больших немецких гарнизонов нет. Имеются кое-где полицейские участки. Мы распрощались с ним. Было ясно, что крестьянин далек от каких-либо связей с немцами.

И все-таки высадка наша не прошла незамеченной. Властям стало известно, что в данном районе ночью кружил советский транспортный самолет. Местные гарнизоны вместе с полицией были посланы на прочесывание лесов. Часа в четыре дня, вдали с южной и восточной сторон, слышались крики, знакомые по партизанской войне на Украине. Сомнений не было - это каратели редкой цепью с автоматами наперевес спускались с противоположной горы.

Расстояние между нашей группой и немцами было не

более трехсот метров. Нас разделял только глубокий овраг. Принять бой мы не могли: место для этого совсем неподходящее, первыми заводить перестрелку не имело смысла. Мы отошли ближе к селу и замаскировались в елочных посадках.

На наше счастье, фашисты, подойдя к ручью, стали искать брод, потом напились и стали, не спеша, подниматься вверх. Нам все это было на руку. Затаившись в густом ельнике, мы видели, как они направились цепью по полю к Липице. А человек двадцать пять-тридцать - по опушке леса, метрах в пятнадцати от нас прошли в село Пейшков, около которого мы сидели. Немцы совсем молоденькие, лет по восемнадцать, не нюхавшие еще пороха. Это нас несколько приободрило. Так прошел наш первый день в оккупированной немцами Чехословакии.

Когда стемнело, мы осторожно вошли в село. Выяснили, что немцы перед заходом солнца укатили в город и поблизости, кроме кустовых жандармерий, состоящих из чехов и словаков, никого нет.

Здесь же мы узнали, что километрах в двенадцати в бою с немцами убиты три парашютиста. Их видели в селе с оружием, и вместе с ними была девушка в очках. Ясно, что это наши, в очках - это Руфа Красавина. Лишь впоследствии мы узнали о судьбе своих дорогих друзей. Вот как это было.

Приземлились они удачно. Укрылись в лесу. Володя Зачупейко развернул радиостанцию, чтобы передать в центр радиogramму о результатах десантирования. Но передать ничего не удалось. Показалась цепь фашистов, прочесывавших местность. Ребята вынуждены были отходить в глубь леса и принимать бой. Иного выхода не было: их семеро, радиостанция с питанием, большой мешок с медикаментами, а немцев - не перечесать. В том бою погибли Даниил Дибдяк, Виктор Рудкай и Ян Новак.

...А мы шли на встречу с ними. Шли по ночам, не зная, что в живых из их группы осталось лишь четверо...

Отряды, подобные нашему, носили назначение организаторских десантов. Основной задачей отряда было помогать в организации партизанских отрядов из местного населения, устанавливать связь с чешскими борцами против фашизма, прежде всего с подпольными организациями Компартии Чехословакии, совершать диверсии на железнодорожном и шоссейном транспорте, нарушать связь, проводить акции на заводах и фабриках, работавших на гитлеровцев. Отряд также вел разведку и данные передавал вышестоящему штабу, готовил базы для приема новых десантов. Мы помогали чешским патриотам создавать революционные национальные комитеты.

Отряд к маю уже насчитывал 192 человека. Мы внесли свой вклад в борьбу против фашизма. Только в апреле-мае 1945 года бойцами отряда было пущено под откос 8 эшелонов с живой силой и техникой противника, уничтожено 47 автомашин, взорвано 4 железнодорожных и 2 шоссейных моста, уничтожено и взято в плен 247 немецких солдат и офицеров. Все эти данные отражены в оперативном отчете отряда штабу партизанского движения при Военном Совете 4-го Украинского фронта.

* * *

Минуло тридцать лет после войны. Первое мая 1975 года мы встречали в кругу боевых друзей в Чехословакии, в бывшем своем партизанском районе. Были все, кто остался жив: комиссар отряда Иозеф Кагала, пулеметчик Богумил Томан, разведчик Ладислав Швец, помощник командира отряда по хозяйственной части Игнац Газуха и многие другие. Я смотрел на них, постаревших, побелевших, элегантно одетых, а мысленно представлял в памяти тех, еще молодых, в видавших виды гимнастерках и ватниках, с вещмешками, набитыми динамитом и патронами...

Чешские друзья мои не раз бывали в гостях и у нас, в Зауралье, в Кургане, в моей квартире на улице Гоголя...

Виталий ЖЕРЕБЦОВ

СТОЯЛИ

НАСМЕРТЬ!

Жеретцов Виталий Иванович родился в 1918 году в деревне Кошкино Белозерского района. Защищал Москву, воевал на Сталинградском и других фронтах. Инвалид войны. Награжден тремя орденами Отечественной войны, Красной Звезды, Красного Знамени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда» и другими.

В моей военной судьбе было два величайших военных сражений - это разгром гитлеровцев под Москвой и Сталинградская битва.

В сорок первом мне выпало защищать Москву, сражаясь в 9-й прославленной Гвардейской дивизии комдива Белобородова, которую так и называли «Белобородовская». Это была жестокая схватка двух сил. Фашисты бросили все что могли, чтобы нас сломить. Им были нужны теплые квартиры, отдых, а для этого надо было всвязать Москву. И мы знали, что отступить нельзя. Надо выстоять. Победить. И русская природа помогала нам - морозила до костей непрошенных «гостей» и их боевую технику.

А летом сорок второго держал рубежи обороны под Сталинградом. Наши солдаты, выполняя приказ, стояли

на смерть! Много можно было бы вспомнить эпизодов, которые сердце не забудет никогда.

Немцы шли в наступление, бросив против нас большое количество танков, пехоты и авиации. Во время этого боя мне пришлось корректировать артиллерийский огонь наших батарей. Подбили несколько танков, уничтожили или обратили в бегство немецкую пехоту...

Но что мне особенно запомнилось, так это немецкие бомбежки, бомбежки, бомбежки... Вместо бомб немцы сбрасывали еще и пустые железные бочки с отверстиями. При падении они издавали какие-то невыносимо жуткие звуки: вой, визг, грохот. И не было никакого спасения от этих душераздирающих звуков.

И все-таки мы выдержали все испытания, не сдав немцам Сталинград. Многие и многие тысячи людей навечно остались лежать в святой волжской земле. Вечная им память и слава!

Из нашей семьи ушли на фронт пять родных братьев. Дмитрий и Олег - полегли на полях сражений, Глеб вернулся без правой ноги, Анатолий - тоже весь израненный. От ран и умерли оба уже в мирное время. Не остался в стороне от войны и наш отец. Он воевал еще в гражданскую, домой покалеченный приехал, с сопровождающим. В Великую Отечественную он служил в охране военной базы на Просвете. Огромную беду пережило наше поколение в грозные сороковые годы. Все надо сделать, чтобы этого больше не повторилось.

ВОДИТЕЛЬ ТАНКА И ТРАКТОРА

В народе нередко можно слышать, что “медали за бой, медали за труд из одного металла льют”, тем самым подтверждается значимость для человека государственных наград. Алексей Федорович Бурнатов вполне разделяет такое мнение. Для него медаль “За трудовую доблесть”, которой он удостоен за труд в послевоенные годы, не менее значима, чем имеющиеся у ветерана ордена Отечественной войны I степени и Красной Звезды.

Боевые награды он заслужил, когда был механиком — водителем танка Т—34 на фронте в 1942 году. В тот год старший сержант Бурнатов был дважды ранен, стал инвалидом на всю оставшуюся жизнь.

Государственную награду за героический труд трактористу Алексею Бурнатову нелегко было заслужить. Даже трудно представить, что человек с протезом вместо ноги почти четверть века работал трактористом, начиная с 1945-го. Только в 1970 году сменил трактор на ЗАВ—20 и стал трудиться на зернотоке совхоза “Тобол”. За рабочую смену трактористу приходится много раз подняться в кабину трактора и спуститься вниз. ЗАВ—20

тоже установлен на солидной высоте, и лестницу на протезе тоже нелегко преодолевать, Но Алексей Федорович работал без ропота и хныканья и только в 55 лет вышел на пенсию, то есть в 1976 году. Без сомнения, очень дорога для него трудовая медаль, она как орден стойкости и славы.

На фронте в танк он садился здоровым, а на трактор - инвалидом. Надо сказать, что Алексею Федоровичу установлена инвалидность I группы.

Алексей Федорович признался, что и сам сейчас удивляется, откуда брались силы быть механизатором, наверное, стремился не отстать от здоровых парней, не показывать своего нездоровья. Солдатом остался он навсегда. Победителем!

Заглянем в начало трудовой и боевой биографии ветерана. Начал работать в колхозе в 1934 году, на быке возил молоко с фермы из деревни Куликово в Белозерку на маслозавод. Через год уже был учетчиком тракторной бригады МТС, изучил трактор, а с 1939 года стал трактористом, пахарем колхозных полей.

С этой должности в 1940 году был призван на действительную военную службу на Дальний Восток, в 262-й отдельный танковый батальон, где обучили его управлять танком. В марте 1941—го отдельный батальон с Востока перебазировали на Запад, примерно в ста километрах от города Бреста. Там и встретился с войной наш хлебороб ранним утром 22 июня 1941 года.

В августе 1942-го, под Воронежем, был ранен осколком в грудь. В госпитале подлечили - и вновь танкист Бурнатов в бою. 13 декабря 1942 года второй раз враг подбил его танк. Ранило командира танка и его, механика — водителя. Ранение оказалось очень тяжелым. Вернулся инвалидом домой в июне 1943 года, но не покорился судьбе инвалида, стал снова пахарем.

Леонид ШУРАВИН

В БОЕВЫХ ПОХОДАХ ЗАКАЛЯЛАСЬ МОЛОДОСТЬ

Воздух был удивительно чист и прозрачен. Даже не верилось, что в эту минуту где-то грохочут снаряды, гремят выстрелы, гибнут люди в огне и пороховом дыму.

Командир взвода Александр Худяков внимательно всматривался в триплекс. Но все было тихо. Опытный танкист знал, что эта тишина обманчивая. Впереди было село Прохоровка. А чуть в стороне, в районе плодового совхоза, также замерли в стальных машинах воины другого корпуса их танковой армии.

Но вот донесся глухой гул
“Самолеты”, — подумали танкисты.

Однако гул нарастал, а небо было чистым. Но вот, вдали появились черные точки, окутанные пылью. Они увеличивались в размерах, а рев моторов крепчал.

— Впереди танки противника! Приготовиться к атаке!
— прозвучало в наушниках, и тела людей напряглись, словно сжатая пружина.

Эти люди, прошедшие суровую школу войны, видели многое. Но и они невольно содрогнулись, когда увидели, что на их позиции, будто черные жуки, выползали и вы-

ползали танки из-за горизонта, и устремлялись вперед по полю, перерезанному местами балками. Сотни “Тигров”, “Пантер”, “Фердинандов” шли вперед, уверенные в своей несокрушимости. И, наверное, неожиданно для врага навстречу им рванулись краснозвездные стальные машины соседнего танкового корпуса.

Худяков слышал грохот близкого боя, но перед их батальоном было чисто. Он знал, что рядом дерутся и гибнут друзья, многие из которых прошли вместе с ним от Сталинграда... Сердце рвалось туда, на помощь, но команды не было, а значит стой, жди свой черед.

Недавно еще совсем чистое небо стало затягиваться дымом и гарью. Это горели наши и вражеские машины, грудью в грудь сошедшиеся в ужасной битве.

Наконец, когда стало ясно, что главный удар вражеских армад угодил на соседний корпус. Прозвучал долгожданный приказ. И стремительные Т-34 рванулись на врага. Удар во фланг ошеломил немцев, ослабил их напор, но бой продолжался. Чадящими кострами горели вперемешку немецкие “тигры” и наши “КВ”, “Т-34”. То там, то здесь, из горящих машин выскакивали люди, объятые огнем. Они падали, катаясь сбивали с себя пламя...

Танк командира взвода несся впереди, посылая снаряд за снарядом. Вот из балки показалась “Пантера”. Быстрый поворот башни, и бронебойный снаряд поразил стальное тело фашистской машины. Танк задымил и вспыхнул ярким пламенем.

— Командир! “Фердинанд” справа! — услышал Худяков и резко развернул башню. Однако, враг успел выстрелить первым. Удар в гусеницу остановил тридцатьчетверку. В следующее мгновение выстрелил и командирский танк. Вспыхнула и вражеская машина.

Три машины врага сжег экипаж Худякова в том бою на поле боя.

Вражеский снаряд ударил в башню. Однако броня,

изготовленная на уральских заводах, выдержала. Только ее осколки, отлетевшие внутри от удара, впились в лицо и страшно зашумело в голове.

Сам Худяков из танка выбраться не мог. Кто его вытащил, до сих пор не знает. Выжил!

Еще много впереди было боев, еще три машины сменил наш земляк, прежде чем дошел до Берлина. И здесь, в Тиргартене, пуля немецкого снайпера прервала боевой путь нашего земляка.

Во многих сражениях участвовал Александр Иванович Худяков. О его храбрости говорят ордена Красного Знамени, Отечественной войны первой и второй степени, два ордена Красной Звезды, две медали “За отвагу”, две — “За боевые заслуги”.

Но самой памятной для танкиста Худякова на всю жизнь осталась танковая битва под Прохоровкой. О ней напоминают шрамы на лице, головная боль от контузии, да орден Красного Знамени.

Мало кто из жителей района, да и села Светлый Дол знает о славном боевом пути ветерана. Александр Иванович не любит вспоминать о войне. Вот я и решил рассказать о нем.

В. ЗАПОЛЕВ

*Ходит осень в полях, скорбя,
Не поет, не звенит листвою -
Грустно видеть самой себя
Угасающую звездою.*

*Нам никто не вернет утрат...
Мы надеждой живем одною:
Для того осыпается сад,
Чтобы вновь зацвести весною.*

Алексей Яковлевич

БРАТЬЯ ОРЛОВЫ

Колхозник деревни Мокино Яков Григорьевич Орлов проводил на Отечественную войну пять своих сыновей: Леонида, Степана, Петра, Андрея и Алексея. Провожая наказывал: “Не урони чести, сынок. Обороняй землю России-матушки, как семью свою родную и дом”.

И они защищали и дом, и страну, как просил отец. В бою с гитлеровскими танками в ноябре 1941 года у деревни Гурьевской, под Тулой, пал героически Петр Яковлевич.

Гвардии младший лейтенант Леонид Орлов, заместитель командира лыжного батальона Первой Московской Гвардейской мотострелковой дивизии погиб в бою 2 апреля 1942 года на Смоленщине, у деревни Березки.

Рядовой Степан Яковлевич Орлов погиб в жестоких боях на Сталинградском направлении в сентябре 1942 года.

Весной 1944 года рядовой 330-го стрелкового полка Андрей Яковлевич Орлов героически пал в смертельной схватке с гитлеровцами у деревни Ворониной на Псковской земле.

Вернулся домой только Алексей. Войну он прошел в

разведrote. Пять раз был ранен. Но дошел до Берлина. Боевых наград – полная грудь. Только медалей “За отвагу” – четыре. Он один такой оказался во всем районе.

Рассказывать о службе в разведке не любил. Жестокая это работа добывать сведения о противнике: и смекалка нужна, и сила, и выносливость, и бесстрашие. “Дружба у нас была крепкая во взводе, один за всех, все – за одного. Пять раз ранили меня и даже в голову такое не приходило, что ребята оставят, не донесут к своим”, – только и говорил бывалый разведчик.

После войны Алексей Яковлевич вернулся в родной колхоз, возглавлял комплексную бригаду. Трудностей было невпроворот, но он перед ними никогда не пасовал. Так же, как и на фронте, верил в своих людей, вместе с ними растил хлеб, добивался высоких урожаев.

Геннадий ПАВЛОВ

*Я сердцем сыновним с любовью
К тебе припадаю, земля.
Горячею ратною кровью
Политы родные поля...*

*И тем я горжусь, что причастен
К твоей материнской судьбе:
Великое, Родина, счастье
Служить по-сыновьи тебе.*

Дмитрий БЕЛОУСОВ

Петр ЛАПИН

НА БЕРЛИН!

Лапин Петр Кузьмич родился 11 сентября 1926 года в деревне Мокино. Не успел школу кончить, а тут война. В Чебаркуле окончил минометную школу младших командиров - и на фронт. Награжден: орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». Инвалид войны.

Шагаем по Белоруссии. Полностью выжжены деревни, торчат только печные трубы. Ни одной живой души. В Барановичах разрушена станция, разорваны железнодорожные рельсы и шпалы, валяются цистерны, вагоны... Шли ночью и днем. Пить хочется. На пути колодец, все к нему, но воды нет: завален трупами. Второй колодец - то же самое. Ужас! И ненависть к врагу.

А это было уже зимой. В лесу под Люблиным нас встретили по-братски фронтовики-кавказцы, все в орденах, медалях, навоевались на Тамани, Керчи, в Севастополе. Несколько дней вместе роем траншеи, блиндажи, устанавливаем противотанковые мины. Потом двухчасовая артподготовка. Ринулись в атаку. Прорвали линию обороны немцев и прошли до середины реки, покрытой льдом.

И вдруг прошил пулемет с той стороны. Залегли на льду. А немец бьет и бьет, головы не поднять, промерзли до костей. Наконец, красная ракета. В атаку! Немцы драпанули. Идем обратно к берегу. Прощаемся с убитыми товарищами - с Дмитриевым Николаем Васильевичем из Белозерского района, с Косачевым Павлом с моей деревни, с убитым командиром батареи, кавказцем...

Походным маршем идем день-два-неделю... Прошли десятки километров без отдыха, без сна. Обессилели, клонит ко сну, тянем за собой - «максимы», гранаты, подсумки с патронами, на спине у каждого вещевого мешок. Идем, от усталости наваливаясь один на другого, полусонные. Обгоняет нас кавалерия. Приказ: идти боковым дозором. Вдвоем идем в разведку. Заходим в ближайший хутор. Пожилая женщина снимает с меня шапку, шарит по голове: искала у меня рога. Немцы им говорили: бойтесь сибиряков, будут колоть вас рогами.

Под ночь устроили привал в небольшом лесочке, не-вдалеке готовится к привалу артдивизион. Выставлены дозоры. Под утро началась стрельба. В темноте мелькают силуэты, ничего не разберешь, где немцы, где свои. Смотрим, перед нами три машины с немецкими автоматчиками. Выручили нас артиллеристы. В этой короткой схватке получил пулевое ранение в поясницу. Меня положили в повозку на ящики с патронами. И вдруг в небе два немецких самолета. Пулеметные очереди на бреющем полете. Ранена лошадь, задымились ящики с патронами, на которых лежит моя голова. Пронесло, в госпитале ходил на костылях, но зажили раны быстро, тело молодое.

Франкфурт-на-Одере. Все ближе Берлин. 16 апреля началась артподготовка. Через наши головы с воем и свистом, шипением понеслись на фашистов снаряды и мины. Дым, грохот, огненные хвосты наших «катюш». Вдруг все смолкло. Началось общее наступление. Пошла пехота,

артиллерия, танки, все задвигалось. Через два дня были у Берлина. Чего здесь только не понаделали гитлеровцы - противотанковые ежи, рвы, траншеи. Горело все, что могло гореть. Кругом оглушительная стрельба, пушки бьют прямой наводкой по укреплениям немцев, а они по нам. Выстояли. И победили!

Молодая семья Лапиных - Петр, Анна и Тонечка

Война не ожесточила этого человека. Он любит жизнь, любит труд. Он человек с разносторонними интересами. У него прекрасный сад с теплицей, засаженной элитными томатами. У него много книг о Великой Отечественной войне, и рядом книги «Анатомия человека», «Справочник практического врача» по фитотерапии. Он вырыл 14-метровый колодец-скважину и каждое утро выпивает ковш чистой воды.

Петр Кузьмич на войне был два года. Но запомнилась она ему на всю жизнь. «Не дай бог пережить этого никому», - говорит он и всеми силами старается продлить жизнь, сделать ее здоровой, полезной для семьи, окружающих его людей.

Евгений СЕЛЕТКОВ

НАШ ХАРАКТЕР

Евгений Семенович Селетков родился в 1908 году в поселке Боровлянского стекольного завода, известный в области лесовод и краевед. На фронте с 1941 года. Старший сержант. Защищал Москву, воевал на Западном и 1-ом Украинском фронтах. Был дважды ранен, контужен. Награжден орденом Красной Звезды, медалью “За боевые заслуги”.

В послевоенные годы провел много интереснейших и глубоких исследований по истории Зауралья. Вел переписку со многими центральными архивами страны, с архивами других стран по истории декабристов, деятельности советского дипломата Леонида Борисовича Красина.

Война катилась к закату. Где-то в пороховом дыму, в густых апрельских туманах затерялся Берлин. Он был близко. Это будоражило души, не давало покоя. Усталость, казалось, навсегда ушла из жизни. Желание не отстать, не опоздать ступить на развалины логова фашистского зверья было неудержимым: столько горечи накопело в сердцах за эти годы, столько повидано горя и крови. Хотелось выместить все в расплате, очистить душу для новой жизни.

Грохот орудий не будил солдат, а слова командира поднимали и бросали на броню тридцатьчетверок. На рассвете танки ворвались в городок Бельциг. Десантники на ходу прыгали с машин, разбегались по улицам и дворам. Но город словно уснул. Запуганные фашистской пропагандой жители оставили кров, бежали вместе с отступающей армией.

Но все - таки в одном из подвалов мы нашли группу оставшихся горожан. Человек сорок женщин, стариков и детей жалась в темном помещении. Страх был написан у них в глазах. Напрасно старались переводчики втолковать им, что бояться не надо, что советские воины не обидят их. Люди жалась друг к другу, не выходили из подвала.

Кто-то из солдат принес весть, что в подвале соседнего дома самоубийцы: лейтенант—эсэсовец убил своих родителей, жену, детей и застрелился сам.

Солдаты бросились проверять подвалы. В одной из таких групп был и я, старший сержант Селетков. Обходили дом за домом. В одном из подвалов трагедия повторилась: хозяин дома умертвил семью и застрелился. На полу лежали женщина, мальчик, а в детской коляске — девочка. Русые кудряшки, лицо были залиты кровью. Мы стояли, потрясенные увиденным. И вдруг.. девочка пошевелилась. Мгновение. Я с девочкой на руках бежал вверх по ступеням. Скорее к людям, нужен доктор. Ноги несли меня к подвалу, где укрылись мирные жители: может быть, среди них есть врач. Врача не оказалось, а, может быть, люди просто боялись.

Помощь оказал подоспевший в город медсанвзвод. Девочке прямо в доме была сделана срочная операция. Доктор Мкртычан, сняв маску, выдохнул: «Будет жить»...

Это словно оживило людей. Они зашевелились, нашлись женщины, что вызвались присмотреть за больной, другие бросились готовить для солдат завтрак.

Часа через три мы покидали город, шли на Берлин. На улицу вышли те немногие жители. Глаза их были другими. В них светилось тепло. Люди знали — теперь их жизнь, их мир за плечами этих хороших парней, одетых в чужую военную форму. Солдаты с брони прощально махали руками. Они шли в бой за свои семьи, за своих детей, чтобы жила крошка Маргарита, немецкая девочка, с русыми кудряшками, чтобы больше страшная история не повторилась.

Вернувшись с войны, я многие годы занимался лесоразведением. Выйдя на пенсию, занимался краеведением, многое познал в истории родного края. Собрал материалы по стародавним поселениям Зауралья, землепашеству, лесоустройству, промыслам. Но трагическую и дивную фронтовую историю с немецкой девочкой помнил всегда.

* * *

Из писем жене

Дорогая моя ласточка!..

Твое письмо меня крайне обрадовало тем, что ты дома и подыскала себе хорошую и удобную работу...

Сегодня не спал всю ночь, готовил карты Курганского района, где завтра или послезавтра наш полк выйдет на 3—4 суток в поход на лыжах... Готовлю лыжи. Похода на лыжах боюсь пуще смерти - сердце сдаст...

7 декабря 1941 г. пос. Увал

Наш эшелон стоит сейчас в Свердловске. Вчера в 2 часа дня проехал через Катайск, поезд в Катайске не остановился. Одет очень тепло. Меньше всего заботься обо мне...

9 января 1942 г.

Безусловно, тебе хочется знать, при каких обстоятельствах я был ранен. Все, что было пережито и испытано в бою за два дня, 9 и 10 февраля, передать и рассказать не хватает слов...

От Кургана до фронта ехали более месяца. От тесноты, холода и недостаточного питания люди грызлись друг с другом, ссорились и даже дрались в вагоне. Но перед боем что-то примирило всех: обмякли люди, заробели. Страх в глазах моих товарищей не было, была нерешительность на такое дело, как смертный бой... Но вскоре все изменилось, как только люди понюхали порох...

Я лежал в снежном окопчике в 300 метрах от врага, не имея возможности поднять голову. Град пуль пролетал надо мной. Мины рвались в 20—10 и даже 3 метрах от меня. Ждал с минуты на минуту смерть...

Выглянул, огляделся... и стал стрелять по одному дому, из которого немцы вели огонь. Через 15—20 минут меня ранило в левую руку пулей — сквозное ранение. Еще два часа я пролежал в окопе. Позади меня, в 150 метрах, был лес, в который мне нужно было переползти. Долго не мог решиться, хотя стрельба прекратилась...

Смотрю — в 10 метрах от меня идет совершенно открыто раненый красноармеец. Я решил, что по следу танка я перебегу 150-метровое расстояние за полминуты. Выскочил из окопа, побежал, догнал раненого красноармейца нашего батальона. Но жалость и сострадание к своему человеку остановили меня, и я шел с ним рядом 70—80 метров до леса, подбадривая его и удивляясь его и своей смелости...

Я даже сейчас ума не приложу, что за чувства руководили этим смельчаком и мною. Но он заразил меня своим поступком, и я спас себе жизнь.

После выздоровления, вероятно, снова на фронт.

Прошу тебя спокойно пережить это, конечно, не совсем приятное сообщение о моем ранении. Жди меня наперекор всему. Устал писать, чувствую слабость...

25 февраля 1942 г.

Есть среди больных раненые 3—4 раза. Выходит, изрешеченного пулями, изорванного осколками мин и снарядов посылают на линию огня не вследствие недостатка живой силы, а по соображениям другого порядка, т. е. потому, что эти люди обстрелянные, опытные, смотревшие смерти в глаза.

Но, дорогая моя, старая русская поговорка говорит: «Пуганая ворона и куста боится». Это относится к изрешеченным. Не имеющие ранения дерутся дьявольски храбро, не щадя жизни. Я видел таких.

В нашей палате 15 человек, 12—13 из них бредят во сне, 5 человек мочатся под себя. Это, несомненно, результат потрясающих переживаний...

Я, кажется, ничего не писал тебе о своих наблюдениях, двигаясь к фронту по территории, освобожденной от немецких «псов-рыцарей» 20 века. Останусь жив, расскажу, что видел и что увижу, а сейчас скажу одно: жуткие картины. Дорогой сердцу зимний русский пейзаж забрызган сгустками крови и исполосован ножом бандита. Милая, светлая Русь!..

9 марта 1942 г.

Невыразимо рад отличному окончанию учебного года моим мальчиком. Если ты без слез не могла выслушать сообщение об успехах Олега в учебе, то на меня это подействовало исключительно сильно: сообщение растроило, размягчило черствую и иссохшую душу солдата.

Припомнилось мне, как я писал вам письмо 1 сентября прошлого года, давая некоторые напутствия сыну,

отправляющемуся в странствие «по областям науки». Писал я тогда это письмо в щели, перекрытой жиденькими берёзовыми жердочками... Уцелеть в этой «крепости» при прямом попадании мины, не говоря уже о снаряде, было бы невозможно. Мины и снаряды падали от моей щели в 3—5 метрах. Все содрогалось от взрывов, и земля сыпалась на листочек моего письма. Я сдувал землю и продолжал с волнением писать, не обращая внимания на нащупывание смерти. Так я был тогда захвачен, поглощен мыслью об Олеге!

Добре, сынку, добре! Горжусь! Радуюсь и твоей сводке о перевыполнении плана по огороду. Урожай, несомненно, будет...

Наконец-то получил твое долгожданное письмо. Оказывается, и ты, так же, как и я, терзаешься ожиданием писем от меня. Скверно, медленно производится пересылка писем, но это неважно. Суть не в этом. Письма пишутся, идут и доходят. Сегодня у меня хороший день — получил письмо также и от сестрицы. Пишет, что за этот год очень состарилась, поседела. Мне понравились ее слова в конце письма: «Вся душа исстрадалась о вас, милые, ненаглядные соколы». Я из этого заключаю, как много судачат о нас, фронтовиках, наши родные, знакомые и незнакомые, связанные общей судьбой, что слово «мой» незаметно заменяется словом «наши»: все родные, все ненаглядные. Эта общность душевной боли «всех наших» усиливает в «соколах» ярость, ненависть к врагу. Много еще будет пролито русской крови, но русские не сдадутся, а выстоят, сдюжат и расплюснут гадину так, что и мокрого места не останется...

16 ноября 1942 г.

Милая жenuленька!

Вчера вечером получил твое письмо от 28 августа 1944 г. Хотел тотчас же черкнуть тебе, но скомандовали «по коням» и письмо пришлось отложить до следующего дня.

Я, кажется, уже писал тебе, просил, чтобы ты не писала мне в письмах о различных недомоганиях и болезнях детей. Это действует на меня черт его знает как. Приходится беспокоиться до следующего письма, а они от тебя иногда приходят через 8—10 и более дней...

За последние 6 дней я получил от тебя четыре письма. Это здорово! Так я еще не получал от тебя писем.

Правда, это нисколько не сократило жажду к твоим письмам, не удовлетворило мою потребность ни в какой степени.

Черт его знает, почему я так истосковался по тебе! Ведь прошло три года, срок такой, что можно позабыть все на свете, а вот тебя не только забыть или смутно представить, но невозможно освободиться от мысли о тебе — так ты вошла в каждый мой нерв!...

13 сентября 1944 г.

Сегодня сделал маленькую туристскую прогулку в окрестности нашего расположения и остался очень доволен этой вылазкой и наблюдениями... достопримечательностей земли польской.

Осматривал я руины замка, построенного в 1410 году паном Петром Осоленским. Сейчас осталась полуразвалившаяся тридцатиметровой высоты башня цилиндрической формы, да несколько останков стен, торчащих, как столбы. Расположен замок на скалистой высоте. Хотел произвести зарисовку, но в карманах не оказалось ни карандаша, ни бумаги. Далекое прошлое этого замка самой замысловатой судьбы заставило меня

вспомнить все, что я читал о Польше 15, 16 и 17 веков. Башня эта видела шведов, промаршировавших по Польше от Балтики до Карпат, видела турецких янычар, слышала дикое гиканье крымских татар. Здесь топтали землю конники Богдана Хмельницкого...

25 октября 1944 г.

Не писал тебе слишком давно: так сложились обстоятельства, что ни писать тебе, ни получать от тебя письма было невозможно. Были странствия, робость и дрожь в сердце, было много такого, чего не расскажешь.

Ты, вероятно, слышала, что с фронта разрешено посылать посылки. Я кое-что приготовил для тебя и при первой возможности пошлю.

Нахожусь за Одером. Немчура в этих краях жила сладко. У каждой коровы — над мордой электролампочка. Много освобождено наших людей от рабства. Жаль, что мало времени для подробного рассказа...

26 февраля 1945 г.

Получил твое письмо от 18 апреля 1945 г. в Чехословакии. Черт его знает, куда только меня ни бросала стихия войны. Неизгладимое впечатление оставит о себе эта прекрасная страна, ее замечательные и близкие нам люди. От границы до Праги, везде: в деревушках, городах, на дорогах встречали нас чехи приветствием «Наздар!», т. е. «Здравствуйте!»

Война окончена, но не верится, что это правда. Сейчас мы сидим и работаем с раскрытым окном, без светомаскировки. Еще немного терпения — и мы будем вместе... Можешь меня поздравить с наградой — орденом Красной Звезды...

14 мая 1945 г.

Милая женулька, как я горжусь тобой за блестяще выдержанное испытание в борьбе за жизнь, за семью. Ведь ты совершенно была не подготовлена к самостоятельному управлению делами хозяйства и не имела ни малейшего представления о тех заботах и трудностях, которые встали перед тобой после моего ухода в армию.

Восхищаюсь и горжусь. Твои руки я зацелую, сделаю такими, какими они были раньше: хорошими и сильными...

Думаю осенью выбраться из этих «благодатных» мест, куда завела меня дорога войны...

17 июля 1945 г.

Вчера получил твое письмо от 25 июля 1945 г. Черт его знает, где оно блуждало, это письмо.

Ты пишешь, что страшно терзаешься ожиданием моего возвращения. Я и сам рвусь на части от досады на несостоявшийся отпуск и мучаюсь ожиданием дня увольнения. Сегодня ездил в соседний маленький городок за покупками. Ехал в грузовой машине вместе с увольняемыми из армии по специальности горняки и наблюдал их поведение. Радостные, возбужденные, они улыбались, кажется, без всякого повода и причины. Один из них выкрикнул: «Прощай, проклятая земля!»

И все, как, сговорившись, подарили этой земле по солидному плевку и грянули смехом. Я был изумлен, я был в восхищении от нашей русской манеры блеснуть озорной «деликатностью», едкой, разящей насмешкой над присмирившим, отлютовавшим врагом.

Люди уехали на восток, в Россию. Я долго в думке желал им счастливого пути и загрустил...

8 сентября 1945 г.

ВАРЕЖКИ

В музее боевой славы 32-го запасного лыжного полка при школе № 23 в поселке Увал хранятся шерстяные солдатские варежки. Варежки как варежки. Обыкновенные, ручной работы, с двумя пальцами, какие для фронтовиков в войну вязали, чтоб и рукам теплее, и стрелять можно. Их передал в музей ветеран полка старший сержант Евгений Семенович Селетков.

Скромный экспонат, можно пройти и не заметить: есть здесь вещи попривлекательнее. А я стою, читаю нехитрые думы человека, написанные им на листке бумаги, что лежит рядом с варежками.

«Эти рукавицы подарила мне здесь, на Увале, 13 ноября 1941 года жена Лидия Дмитриевна. Подарила, как самому близкому и дорогому ей человеку, и как бойцу, едущему на фронт защищать Родину.

За время войны я был дважды ранен и контужен. Пули и осколки пробивали не раз шапку, шинель и сапоги... Но я был уверен - пока со мной эти варежки, фашистам не убить меня: ведь при мне два сердца - мое и жены. И не ошибся.

27 декабря 1945 года, пройдя через войну, я вернулся в родное село. Прежде, чем открыть дверь дома, одел заветные варежки...

Много лет прошло с той поры. Лидии Дмитриевны больше нет со мной. И я дарю музею полка от себя и моей жены самое дорогое, что у меня осталось - наши варежки».

Я долго смотрю на варежки... И вспоминаю, как мама такие же посылала на фронт отцу, осторожно завернув их в лист бумаги, на котором угольком были обведены пять детских ручонок с растопыренными нашими пальцами. Видно, мама хотела, чтобы рядом с сердцем отца были и наших пять. Может потому и вернулся с войны живым отец. Но догадался об этом я только здесь, в музее.

КИТЕЛЬ

*Военный поношенный китель,
Как память войны, я сберег
Он все мне расскажет без книги
О жизни военных дорог.*

*От снежных равнин Подмосковья
Я в нем до Победы дошел,
Проникнут заботой сыновней
О Родине нашей большой.*

*Он дорог мне, дорог, не скрою,
Свидетель суровой поры:
Мы вместе извели с болью
Тяжелую участь войны.*

*Пропитан он потом и кровью,
Украшен рядами наград.
Гляжу на него я с любовью,
Как воин, как русский солдат.*

*Но если пройдет передышка,
Родная земля загорит,
Мой китель оденет сынишка,
Дорогу отца повторит.*

*Василий КУПРИН,
Гвардии капитан запаса*

НАЗОВЕМ
ПОИМЕННО

Евгений Антонович Мойзых родился 30 декабря 1903 года в местечке Гермсково Люблинского воеводства Польши в крестьянской семье. Белорус. Окончил сельскую школу. В период 1-й империалистической войны переселился в Зауралье. Жил и работал в сельских районах на территории Курганской области. В Белозерском районе работал перед войной Член большевистской партии с 1931 года.

В рядах Красной Армии с начала Великой Отечественной войны. Окончил военное пехотное училище. На фронте с июля 1944 года. Старший лейтенант, командир пулеметного взвода 1333-го стрелкового полка 319-й стрелковой дивизии 22-й армии 2-го Прибалтийского фронта.

10 августа 1944 года со своим взводом первым на подручных средствах форсировал реку Айвиесте на территории Екабпилского района Латвии, отбил у гитлеровцев небольшой плацдарм на ее западном берегу и прикрывал пулеметным огнем переправу подразделений полка через

эту водную преграду. Отбил с бойцами взвода пять яростных контратак противника. Израсходовав весь боезапас, погиб в рукопашной схватке с оккупантами, до конца выполнив приказ командования.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года старшему лейтенанту Евгению Антоновичу Мойzych посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Могила Героя находится на кладбище поселка Каленова Маронского района Латвии.

Имя Героя носит одна из улиц села Белозерское.

Из наградного листа:

Десятого августа 1944 года пулеметный взвод старшего лейтенанта Мойzych получил боевую задачу прикрывать огнем пулеметов наступающие подразделения и форсировать реку Айвиексте Латвийской ССР.

Противник огнем артиллерии и пулеметов простреливал все русло реки в момент переправы на подручных средствах. Пулеметы Мойzych накрыли огнем первую линию траншей противника, и когда стрелки подплыли к западному берегу, тов. Мойzych, показывая пример отваги, на заранее подготовленных плащпалатках, туго набитых сеном, бросился с группой бойцов форсировать реку. Доплывая до середины реки, сквозь гул разрывов он услышал крик о помощи и поплыл на зов. Тонувший пулеметчик, сержант Иванов, раненый в голову, и его пулемет были спасены и доставлены на западный берег.

Переправившись на западный берег, Мойzych расставил по местам все пулеметы и открыл огонь по огневым точкам противника, мешающим переправе и продвижению наших подразделений. Захватил вторую линию траншей противника. Видя готовящуюся контратаку, он умело расставил огневые средства и открыл огонь по вра-

гу. Противник, подтянув подкрепление в количестве до 400 человек, перешел в яростную контратаку. Но был отбит огнем пулеметов Мойзых.

Пять накатов гитлеровцев на позиции бойцов старшего лейтенанта Мойзых были отбиты.

Пьяная орда фашистов численностью до 200 человек в шестой раз контратаковала участок, который оборонял взвод Мойзых. От разрыва вражеского снаряда вышел из строя весь расчет одного из пулеметов. Немцы, стреляя на ходу, подходили все ближе и ближе. Тов.Мойзых бросился за пулемет и в упор расстреливал нападающих гитлеровцев. Кончились патроны, командир взвода взялся за гранаты. Четырьмя гранатами уложили на месте до 15 немцев, но враг лез вперед. Старший лейтенант Мойзых выхватил пистолет и в упор начал стрелять в гитлеровцев. Кончились и пистолетные патроны, отбросив пистолет, он схватил саперную лопату и, поднявшись во весь рост, закричал: “Не пройдете, гады!”. Сам бросился на четырех приблизившихся немцев. Рассекая воздух лопатой, он ударил в голову впереди бегущего немца. Тот упал. Еще удар – и второй немец с рассеченным лицом опрокинулся назад. Но сломался черенок лопаты. Старший Лейтенант Мойзых голыми руками схватил следующего фашиста и сбил его с ног. Но в это время автоматная очередь сразила Героя. Оставшийся в живых немец в ужасе бросился бежать обратно, пораженный героизмом русского воина, но был убит выстрелом из винтовки бойца Поликарпова из взвода Мойзых...

Отчаянный бой воинов пулеметного взвода старшего лейтенанта Мойзых обеспечил выполнение задачи, поставленной командованием фронта...

Геннадий УСТЮЖАНИН

Григорий Сергеевич Налимов родился 22 февраля 1915 года в селе Большой Камаган Белозерского района Курганской области в крестьянской семье. Русский. Окончил начальную школу, курсы трактористов и с 1933 года работал механизатором Камаганской МТС.

В 1943 году Налимов был призван в армию. Окончил школу механиков-водителей танков и в звании сержанта был зачислен в 1-й батальон 36-й гвардейской Краснознаменной ордена Кутузова танковой бригады 7-й гвардейской армии, командовал которой наш земляк генерал-лейтенант Михаил Степанович Шумилов.

Воевал на Воронежском, 2-м Украинском фронтах. Участвовал в боях на Курской дуге, форсировал Днепр, освобождал Венгрию и Чехословакию. Награжден за мужество и отвагу орденом Ленина.

Погиб в бою 20 февраля 1945 года на правом берегу реки Грон в Чехословакии. Похоронен близ города Шатуров в местечке Палд вблизи церкви.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1945 года гвардии старшему сержанту Григорию Сергеевичу Налимову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

На родине Героя в селе Большой Камаган у здания школы установлен памятный бюст героя-танкиста Налимова.

Начало войны пришлось на жаркие работы в поле. Григорий Налимов пахал пары, не подозревая, что где-то далеко на западных границах его родной страны, подминая под гусеницы танков хлебные нивы, рвутся к чужому добру и к чужим просторам гитлеровские вояки.

В Камаганской МТС прошел гневный митинг рабочих, заклеймивший позором немецких поджигателей войны. Закончился он, как и обращение правительства СССР к Советскому народу, словами –наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами. Все с уверенностью говорили, что война будет короткой и победной, захватчики получат удар по зубам и будут вышвырнуты за пределы нашей Родины.

Но проходили дни и недели, месяцы, а с фронта поступали вести одна тревожнее другой. Уходили на фронт мужчины. При МТС открыли курсы по подготовке женщин и девушек-трактористок. В тракторных бригадах, как и по всей стране, развернулось социалистическое соревнование: “Все для фронта, все для победы!”

Григорий Сергеевич, как опытный механизатор, был временно освобожден от призыва в армию. Директор МТС сказал ему: “Твоя задача, товарищ Налимов, научить управлять с техникой на полях молодежь, а там, может быть, и война завершится”.

В январе 1943 года жаркие бои в Сталинграде требовали все новых и новых защитников Отечества. Григория Налимова мобилизовали в армию, направили в сержантскую школу механиков-водителей танков. Хоть и знаком был с техникой камаганский хлебороб Налимов, с

трактором был на ты, но водить грозную боевую машину оказалось непросто.

Григорий Степанович был человеком с характером и самолюбием. Ему хотелось быть в числе лучших курсантов, и танковую школу Налимов закончил в числе лучших. Танки выпускники-танкисты получили в Нижнем Тагиле и в числе пополнения прибыли на Воронежский фронт в 36-ю гвардейскую Краснознаменную ордена Кутузова танковую бригаду. Опаленная огнем громовержных боев под Сталинградом и оваянная славой разгрома гитлеровских полчищ у стен волжской твердыни, она в то время сосредотачивалась на южной оконечности Курского выступа.

Именно сюда 5 июля 1943 года гитлеровское командование бросило свои бронированные армады. Около семисот немецких танков устремились в направлении Обаяни и Корочи, чтобы прорвать фронт и выйти на оперативный простор. Но им это не удалось. Насмерть стояли в обороне советские танкисты и пушкари. Повыбили массу танков противника, но гитлеровское командование решило повернуть главные силы в направлении Прохоровки.

Здесь “окрестился и проварился” в тяжелейших и смертельных боях наш земляк Григорий Налимов. После разгрома немецких полчищ под Курском 7-я гвардейская армия генерала Шумилова, в составе которой находилась 36-я гвардейская танковая бригада, принимала участие в освобождении от гитлеровцев Харькова, с боями форсировала Днепр, участвовала в разгроме Яссо-Кишневской группировки немцев, освобождала Венгрию.

За мужество и отвагу в этих боях Григорий Сергеевич был удостоен высшей награды Родины – ордена Ленина.

Шестого января 1945 года 7-я гвардейская армия внезапной ночной атакой без артиллерийской подготовки

прорвала вражескую оборону на реке Грон и устремилась к городу Комарно. Выход сюда наших подвижных танковых частей создал угрозу флангу и тылу вражеской группировки, наступавшей на Будапешт с целью оказания помощи засевшим там гитлеровцам.

Чтобы сдержать наступление советских войск, немцы вынуждены были бросить туда свои резервы, которые они рассчитывали направить к югу от Дуная для развития наступления на Будапешт. В междуречье Грон-Нитра завязались ожесточеннейшие бои. Врагу удалось потеснить наши войска, и они перешли к жесткой обороне.

Будапештская операция потребовала огромного напряжения физических и моральных сил бойцов и командования. Достаточно сказать, что ни в одной из наступательных операций 1944 года не приходилось вести столь тяжелых и ожесточенных оборонительных боев. Вновь, как когда-то под Сталинградом, появились лозунги: “Ни шагу назад!”, “Стоять насмерть!”. Усилилась разъяснительная и воспитательная работа в войсках. У части воинов возникло некоторое недоумение: почему после стольких военных успехов 1943-1944 годов мы встречаемся с такими трудностями, с таким мощным сопротивлением гитлеровцев? Надо было разъяснить, что войска 2-го Украинского фронта оттянули на себя громадные силы немцев и тем самым позволили развивать успешное продвижение наших войск на Варшавско-Берлинском направлении.

Вот в таких условиях в те тяжелые дни и совершил свой подвиг наш земляк гвардии старший сержант Григорий Сергеевич Налимов, находясь в обороне на западном берегу реки Грон, где частям 7-й гвардейской армии удалось захватить и удерживать небольшой плацдарм, который имел исключительно важное боевое и стратегическое значение. Он мешал гитлеровцам в осуществлении планов своей операции, и отсюда открывался путь

для развития наступления и освобождения Чехословакии.

Командир танка гвардии лейтенант Тулупов 17 февраля 1945 года получил приказ – занять с экипажем позиции на высоте 177 для огневой поддержки окопавшихся там подразделений пехоты. Танкисты вышли в заданную точку, замаскировались. А ранним утром после огневого налета на высоту начал наступление противник с мощной танковой поддержкой. Гитлеровцы наступали сразу с двух флангов. Защитники высоты дрогнули, но в этот момент выскочил из укрытия танк Тулупова, который вел Григорий Налимов.

Гвардии старший сержант так умело маневрировал между наседавшими танками противника, что они, опасаясь поразить свои боевые машины, были стеснены в возможности прицельно стрелять в советский танк. А он, используя свое выгодное положение, выводил из строя один за другим немецкие танки. Потеряв три танка и два бронетранспортера, немцы отступили.

Безуспешными были и следующие атаки гитлеровцев, в ходе которых немцы снова понесли потери, но сбить с высоты наших бойцов так и не смогли.

В наградном листе на присвоение гвардии старшему сержанту Налимову Григорию Сергеевичу звания Героя Советского Союза значит, что его экипаж в ходе этих боев уничтожил до 10 танков и шесть бронетранспортеров противника, сам Налимов героически погиб в бою 20 февраля 1945 года.

Герои-танкисты похоронены в Чехословакии в местечке Палд со всеми воинскими почестями.

Петр КВАШНИН

Афонасий Федорович Стенников родился 2 августа 1904 года в селе Речкино Белозерского района Курганской области в большой, дружной и работающей крестьянской семье. В период коллективизации зажиточную семью Стенниковых выслали на поселение в Восточную Сибирь, в таежный край. Афонасию Федоровичу удалось уехать с мест поселения. В 1934 году он устроился на работу в Борисовский совхоз Омской области, здесь успешно окончил механизаторские курсы. Работал трактористом и комбайнером. Был одним из лучших механизаторов района.

В ноябре 1941 года Афонасий Федорович был мобилизован в армию. Воевал командиром орудия 1957-го истребительного противотанкового артиллерийского полка 3-й Ударной армии на Центральном, Воронежском, 3-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. Был ранен. За мужество и стойкость награжден двумя медалями "За отвагу", орденами Славы 3-й степени, Отечественной войны 2-й степени.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая

1946 года старшему сержанту Афонасию Федоровичу Стенникову присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали “Золотая Звезда”.

Афонасий Федорович Стенников удостоен и высшей награды ГДР ордена “За заслуги перед Отечеством” в золоте.

После войны Афонасий Федорович многие годы растил и убирал хлеба в колхозе “14 лет Октября” Кетовского района. Был одним из лучших комбайнеров Шмаковской МТС.

Ушел из жизни 9 ноября 1979 года. Похоронен со всеми воинскими почестями на кладбище села Кетово.

В майском номере “Журналиста” за 1970 год опубликованы несколько редких фотографий военных лет. Каждая - страничка истории Великой Отечественной.

На одном из снимков улавливаю что-то знакомое в лицах солдат. Читаю подпись: “Их орудие било по рейхстагу прямой наводкой. Фото Владимира Гребнева”. И все.

Вглядываюсь в лица... Да это же Афонасий Федорович! Стенников! Конечно, он!

Беру журнал, и в дорогу, – к Стенниковым.

– Афонасий Федорович, есть сюрприз!...

Склоняемся над журналом.

– Снимок, и правда, вижу впервые, – Афонасий Федорович откинулся на спинку стула. – Это было в Берлине. Мы тогда только что штурмом выбили фашистов из здания имперской канцелярии и взяли на прямую наводку рейхстаг. Ведем огонь по превращенным в бойницы окнам. Немцы же в ответ из чего попало палят по нам. Ураганный огонь. И тут вдруг корреспондент на позиции появился. Как он пробился к нам? Я, говорит, вас для истории запечатлю.

А кругом дым, рыжие облака кирпичной пыли от раз-

рывов снарядов. Какое тут фотографирование! Да и мы, как черти, прокоптились, – только зубы блестят. А он с аппаратом и этак, и так. На прощание пообещал после боя нас еще всем расчетом заснять.

Несколько часов ведем огонь. Сами целы лишь потому, что место для позиции удачное подвернулось: парадный подъезд имперской канцелярии. Сюда мы притащили свою пушку подвальными коридорами. Переносили ее по частям: сначала ствол, потом станину, ящики со снарядами. Ребята из 150-й дивизии тут нам хорошо помогли. От смерти с флангов нас надежно укрыли мощные колонны, а спереди сметаем гитлеровцев непрерывным огнем, не даем себя в обиду. Наводчик Паша Михалев, тоже нашенский, из села Ярового Половинского района, просто снайперски наводил пушку. Только заметим, откуда фашисты бьют, – моментом и накроем.

Рядом уже вступали в бой другие орудия. Бой разгорался все жарче. Несколько раз принимались бить по рейхстагу пушки больших калибров. Особенно сокрушительным был их удар после полудня. И немцы стали огрызаться слабее. Ну и наши поднялись в атаку. Шли до отчаянности стремительно и неудержимо. Каждый стремился поставить свою точку в проклятой войне. А в рейхстаге бой. Ворвались и мы. Ну, где ты, ирод, бесово фашистское чудовище, проклятый Гитлер!? Где!? Хотелось схватить его и задушить собственными руками. Но кругом груды обломков, битое стекло, фашистские бумаги под подписями и печатями с орлом и свастикой. Разгромленное звериное логово.

Потом из подвалов потянулись вереницы гитлеровцев, побитых, подавленных. Смотрят себе под ноги, головы втянули в плечи, боятся возмездия. А нам не до них.

Еще где-то по соседству идет бой, но у всех уже победное настроение: широкие улыбки, смех и прибаутки. Какой-то солдат снятым с винтовки штыком, как школьник, царапает на колонне рейхстага: “Ура! Победа!” и

свою фамилию и имя. Площадь гудит как улей. На ней солдаты, танки, машины, - поток войск. Устали мы до смерти – сутки без еды, двое без сна, а глаза у всех горят от радости: рейхстаг взят!

Появились на площади походные кухни. А у солдата закон: есть время и возможность - подкрепись. На ночь лег расположились в рейхстаге. Шинели в изголовье, автоматы рядом.

Вроде бы не успел и глаз сомкнуть – трясут за плечо и голос знакомый: “Стенников, товарищ старший сержант! Вставайте. Корреспондент тут вас разыскивает”.

Открыл глаза. А он, тот самый корреспондент, улыбается: рад, что нашел. Нас там тысячи, а он отыскал. – Афонасий Федорович улыбнулся. – Четверть века прошло, а снимок - вот он. Не забыт. Вот ведь как в жизни бывает.

Через месяц я получил письмо от бывшего военного корреспондента Владимира Гребнева. Он писал: “По поводу снимка и людей, заснятых на нем, могу сказать следующее. Орудийный расчет старшего сержанта Афонасия Федоровича Стенникова в составе 3-й ударной армии дошел до Берлина и штурмовал рейхстаг. В одном из последних жарких боев я наткнулся на расчет, стрелявший из парадного подъезда дома Гимmlера прямой наводкой по рейхстагу, расстояние до которого было метров 350. Рейхстаг отчаянно огрызался: там засели матерые фашисты, которые знали, что это конец.

Копоть и дым застилала видимость. Наши войска накапливались в подвалах окрестных домов для решительного штурма. Орудийный расчет А.Ф.Стенникова беспрерывно вел огонь по рейхстагу.

После боя я отыскал расчет и сфотографировал его возле дома Гимmlера для нашей армейской газеты “Фронтовик”, в редакции которой я прошел всю войну. Один из снимков высылаю вам.

С приветом. В.Гребнев”.

На снимке: Афонасий Федорович Стенников в центре фотографии, справа Павел Михалев - наш земляк из села Яровое Половинского района

Стенникова я знал много лет. Бывал у него дома и Афонасий Федорович приезжал ко мне в гости. В беседах пролетали часы и вечера, странички с заметками накапливались в моем блокноте. При каждой встрече он раскрывался какой-нибудь новой гранью,

А познакомились мы так. К 20-летию Победы над гитлеровской Германией в Кетовском районе готовили встречу за круглым столом с ветеранами войны. Пригласить на нее Героя Советского Союза Афонасия Федоровича Стенникова поручили мне. Жил он тогда в деревне Зайково. Поехал. Дом Стенниковых нашел без труда. Встретившаяся на окраине села женщина сказала:

– Вон тот дом, что смотрит на улицу. Палисадник с голубым штaketником. Он в нашем селе самый видный. Там и живет наш Герой.

Открыл ворота. Во дворе амбар, баня, навес, сарай и чистота под метелку. Чувствуется по всему – живут здесь уважающие порядок люди.

На крыльце встретила женщина лет пятидесяти, вы-

сокая, с добродушной улыбкой, серыми глазами и короной темно-русых волос.

– Проходите, пожалуйста. – Открыла дверь в сени. – Правда, Афонасия Федоровича нет дома, но он вот-вот подойдет. Столярничает где-то, косяки на колхозную стройку готовит. – Посмотрела в окно.

– Да вы не стойте у порога. Проходите. Я сейчас чайку поставлю. – И она захлопотала у самовара.

Я знал, что Стенников комбайнер. Дело свое любит, большой мастер уборки хлебов. Пятеро его сыновей прошли школу возле отца, любят технику, старшие двое механиками работают, третий шоферит, еще двое – слесари. И вдруг столярничает Стенников?...

Минут через двадцать скрипнула дверь, вошел хозяин. Высокий, сухощавый, лицо, побуревшее от ветров, чуть с горбинкой нос, под дугами бровей ясные, с искоркой, глаза, в них разлита душевная теплота. Поздоровался, снял шапку и полушубок, подошел:

– Афонасий Федорович, – проговорил, сжимая в крупной и сильной ладони мою руку. – С Анной Гавриловной, наверное, уже познакомились? – Он посмотрел в сторону хозяйки.

Извините, но забегаю вперед скажу, что все годы, сколько знал Стенниковых, никогда не слышал у них в семье грубого слова, или чтобы муж или жена назвали друг друга не по имени и отчеству. В большой дружбе они вырастили и воспитали пять сынов и пять дочерей. И тут Герой!

Разговор продолжили уже за столом, накрытым Анной Гавриловной.

– Значит, удивляетесь, что столярничаю? Обычное для нас, пожилых, дело. Этот дом, застрой весь – тоже от бревнышка до бревнышка вот ими срукоделил. – И он поднял над столом свои шершавые ладони. – Сам и окна окосячивал, рамы и двери мастерил.

Говорили мы долго и обо всем. Я попросил Афонасия

Федоровича рассказать о его боевых делах. Он задумался, махнул рукой.

– Как-то корреспондент один тоже приезжал, про эпизоды выспрашивал: сколько танков подбил, сколько немцев уничтожил, нет ли фронтового дневника у меня? Орденские книжки смотрел. Сожалел, что записей я на фронте не вел. Беседовали долго, а вижу уехал недовольный. Вы, говорит, все о других рассказываете, а мне о вас написать велено.

А что я о себе расскажу? Сколько танков подбил. Так я же не один подбивал – расчет. Зачем же я славу всех на себя брать стану? На войне в одиночку героем быть почти невозможно, особенно у нас, в артиллерии. Только с товарищами ты силен, ты боец и герой. И дневников не писал. Выйдешь из боя, остался жив, ну, и слава Богу. Какой там дневник – письмо бы родным успеть написать, копать с себя смуть, портянки постирать да высушить. Да и грамотенки-то у меня – один класс на двоих с братом, – и заулыбался. – Раньше ведь как бывало? В первую голову научись коня запречь, травы накосить, ремесло всякое освой, что по хозяйству надобно. Сызмальства тому и учили. Бывало мозоли на руках вспыхнут, в кулак не вмещаются, зато наука – на всю жизнь. К грамоте спрос был невелик: пятаки сосчитать, расписаться можешь – и грамотей.

Стенников рассказывал зримо, как художник рисует картину. И, слушая его, мысленно я видел деревню Речкино, разбежавшуюся избами по берегу Тобола, росным кочотопом вместе с Афоней сбегал к воде, закидывал удочку в малиновую от зари воду, бросал в корзинку красноперых красавцев-окуней, гонял с мальчишками вперегонки на лошадях, учился на комбайнера, жал свое первое поле, баюкал у колыбели детей и ехал на фронт в сорок первом. За окнами вагона пронеслась закутанная в скорбь Россия, поседевшая от снегов, как мать в горе, и грозная, как тяжелый молот, занесенный могучей рукой для удара.

Паровоз от быстрого бега задыхался в сером пару. “Под-Москву, под-Москву!” – выстукивали колеса. Но перед столицей эшелон повернул на юг и разгрузился на маленькой станции. Сибирская дивизия в пешем порядке заняла позиции у села Краси́но, на пшеничной полосе, по самые колосья забитой снегом. И кормилец-поле стало для хлебопашца рубежом, где надо было стоять на смерть. Оно укрыло сынов своих по самые плечи на своей груди, а когда фашисты танками перерезали пути снабжения дивизии, кормило солдат зерном своих колосьев, помогло выстоять.

Летом в 1943 году дивизию, где служил Афонасий Федорович, бросили под Ка́сторную. Там немецкие танки и авиация сильно поистрепали нашу противотанковую бригаду. Но фашисты не смогли здесь прорваться: позиции насмерть стоявших заняли сибиряки. Фашисты рвались остервенело. Бои не утихали сутками. Горели земля и небо. День нельзя было отличить от ночи, а фашистские танки ползли и ползли. На батарее их осталось трое израненных бойцов, но танки так и не прорвались. Эту битву позднее назвали Орловско-Курской огненной дугой, а отважных артиллеристов, оставшихся в живых, наградили медалями “За отвагу”. Среди них был и Стенников.

Посмотрев фильм “Огненная дуга”, я спросил у Афонасия Федоровича его мнение о кинокартине.

– Примерно, так оно и было, как показано. Чего уж там! – страшно было. Страшно, особенно поначалу. Танки прут и прут. Заряжать не успевали. И горит уж сколько их, а все равно прут. Ну и мы, зубы стиснув, уперлись. Попробуй, пройди!

Политрук у нас был, молоденький парнишка, фамилию его так и не успел запомнить: дня три с нами только-то и был. Пропустить немчуру, говорит, нам, товарищи, никак нельзя. Если они нас пройдут, дальше дорогу перекрыть некому. Женщин, детей сколько тогда порешат, всего понарушат разбойники. И знаешь, от слов его злости стало

больше, чем страху. А ощущение такое, что твой окоп, пушка твоя – последняя на пути немцев, а дальше незащищенная земля, твоя семья. И от этого и умирать, и глотку фашисту порвать готов. И уже ничего не страшно. И в мыслях – только не отступить!

Выстояли мы, а политука нашего больше нет, – там, на позиции, на веки вечные и остался. Молодой, а слово такое знал, скажет – умрешь, а не отступишь, и никаким танком тебя с позиции не сдвинуть.

Наводчик Павел Михалев по уши был влюблен в своего бывшего командира старшего сержанта Стенникова.

– Афонасий Федорович? Да он мне на фронте был больше отцом, чем командиром. И не только мне, расчету всему. Где погорячей – сам наперед идет. Частенько меня наставлял: “Ты, Михалев, голову зазря под пули не суй. Она у тебя одна и не для того, чтобы каску носить, а думать. Вот и смекай”. В самой сложной обстановке не растеряется. Как-то мы неожиданно батареей наткнулись на отступающую немецкую автоколонну. По силенкам-то нашим нам бы укрыться, уйти от боя, а Стенников команду дает: “Орудия к бою! По головной, зажигательным, наводи!”

Подожгли мы головной грузовик, потом по замыкающим ударили, и они факелом. А мы уже шрапнелью по колонне кроем. Больше двухсот фашистов только в плен взяли тогда, а сколько техники, оружия. И все он, Афонасий Федорович, смекнул, что отступающий немец в серьезную драку не полезет.

А вот что записано в наградном листке на старшего сержанта Стенникова: “Командир орудия старший сержант Стенников Афонасий Федорович в боях по прорыву долговременной глубоко эшелонированной обороны немцев на плацдарме западнее реки Одер, в районе Кинитц, 1 апреля 1945 года, при дальнейшем наступлении на Берлин, проявил отвагу, мужество и героизм. Прямой на-

водкой из своего орудия уничтожил одну батарею тяжелых зенитных орудий противника, стреляющих по нашим танкам.

Орудие первым было переброшено через переправу на реке Шпрее 30 апреля 1945 года и открыло первым огонь по германскому рейхстагу. В результате дерзости расчета была захвачена совершенно исправная переправа, через которую под прикрытием артогня из орудия тов. Стенникова были переправлены наши тяжелые танки. Кроме этого, расчетом уничтожено 4 полевых орудия противника, а две батареи пушек захвачены в исправности.

После того, как орудие было выдвинуто на прямую наводку у рейхстага, тов. Стенников организовал и возглавил группу автоматчиков в составе 10 человек, с которой уничтожил до 50 гитлеровцев, засевших у каменных зданий, мешавших продвижению наших стрелковых подразделений. Расчет первым подошел к рейхстагу и участвовал в водружении знамени Победы.

За дерзость, мужество и героизм в боях при форсировании реки Шпрее, захвату переправы и штурм Германского Рейхстага достоин присвоения звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда.

Командир 1957-го истребительного противотанкового Краснознаменного артиллерийского полка Герой Советского Союза полковник Серов”.

Как-то Афонасий Федорович позвонил, чтобы я обязательно к нему приехал.

За героизм и мужество, проявленные при разгроме фашизма, правительство Германской Демократической республики наградило Стенникова в честь 25-летия Победы своим высшим орденом “За заслуги перед Отечеством” в золоте. Он только что вернулся из столицы и взволнованно рассказывал мне о приеме в Посольстве ГДР.

«Когда мы с Анной Гавриловной в Москву ехали, меня долго сумленье брало: как это, думаю, немцы – и друг

меня наградили? Не ошибся ли военком, когда проездные документы мне выдавал? А поразмыслил и понял: может такое быть. Хоть война и некудышный пахарь, да, видать, мы тогда фашистский осот этот порядком поизничтожили, а доброе семя немецкой нации силу-то и набрало.

На вокзале нас встретили, как гостей дорогих. Анне Гавриловне моей руку целуют. Вот ведь как. В их посольстве встретился с героями Советского Союза Егоровым и Кантария. Хорошие мужики. На войне с ними не пришлось увидеться, а тут и познакомились. Вот как в жизни случается. Нам троим золотые ордена германской республики и вручили.»

Через пару лет в дом Стенниковых меня привели не совсем обычные обстоятельства. В область приехал Герой Советского Союза Василий Митрофанович Шатилов, бывший командир 150-й ордена Кутузова Идрицкой стрелковой дивизии. На ее долю выпала высокая и нелегкая честь штурмовать весной 1945 года логово фашистского зверя – рейхстаг.

Встречи с прославленным генералом проходили при переполненных залах в рабочих и колхозных клубах. Шатилов говорил живо и образно, со многими подробностями и деталями.

Рассказал он и о зауральце Леониде Петровиче Литваке из города Щучье. Его взвод одним из первых ворвался в здание рейхстага и проявил там исключительное мужество и стойкость.

Шатилову задавали массу вопросов, нехватало никакого регламента. Люди провожали Героя до самой машины, когда он спешил на новую встречу.

Поздно вечером, за ужином, я спросил Василия Митрофановича, почему он ни разу не назвал имя Афонасия Федоровича Стенникова, живущего в Кургане и удостоенного звания Героя за взятие рейхстага.

– Стенникова?! В числе Героев за рейхстаг такого нет.

Вы, наверное, что-то путаете. Героев рейхстага я знаю всех поименно.

И он начал перечислять фамилии и имена.

– И все-таки Стенников – Герой штурма рейхстага. Я лично читал его наградной лист, бывал у него дома не раз, – настаивал я.

– Вы знаете, где он живет?

– Да, знаю.

– Тогда едем. — Он поднялся из-за стола, хотя ужинать мы только начали.

Минут через двадцать я нажал на кнопку звонка у двери Стенниковых. Она открылась. Первым шагнул в квартиру генерал. Он протянул руку хозяину. Крепко ее пожал.

– Ну, здравствуй, старший сержант. Ты меня узнаешь? Стенников смотрел на гостя пристально, но не долго.

– Нет, товарищ генерал, я вас не встречал.

– Я – Шатилов. Может быть, помнишь?

– Фамилию слышал и о вас с войны знаю, а видеть не доводилось. У меня память на лица крепкая.

– Ты штурмовал рейхстаг?

– Штурмовал.

– Так кто же у вас был тогда командиром?

– Нашим истребительным противотанковым полком командовал Герой Советского Союза полковник Серов.

– Константин Иванович?

– Так точно, товарищ генерал.

– Дорогой ты мой! Так это ты моим батальонам бросок к рейхстагу обеспечивал! Он крепко обнял Стенникова, расцеловал и долго не отпускал из объятий, приговаривая:

– Какой ты молодец! Какой же ты молодец! Недаром, помню, Серов своих бойцов орлами всегда называл. Орел ты и есть! Настоящий орел!

Расстались старший сержант и генерал далеко за полночь. Назавтра Василий Митрофанович начал свое выс-

тупление с рассказа об этой встрече, сказав:

- Вчера я открыл еще одну страничку истории взятия фашистского рейхстага. Удивительную страничку, увиденную глазами вашего земляка Героя Афонасия Федоровича Стенникова. Думал, все знаю об этой операции. Оказалось, что нет. Может быть, среди вас еще есть бойцы, кто рейхстаг штурмовал? Отзовитесь.

Геннадий УСТЮЖАНИН

На снимке (слева направо): сидят Геннадий Павлович Устюжанин, Афонасий Федорович Стенников, Владимир Петрович Миронов, стоят - Борис Сергеевич Сбитнев, Лидия Викторовна Кривоногова, Михаил Петрович Девятаев, Александр Федорович Зубов. Встреча в редакции газеты «Ленинский путь», май 1965 года.

**КАВАЛЕРЫ
ОРДЕНА СЛАВЫ**

БЕССОНОВ Михаил Степанович

Михаил Степанович родился 4 ноября 1918 года в деревне Корюкиной. До призыва в Красную Армию работал шофером в Белозерской МТС. Участвовал в боях под Москвой, освобождал Белоруссию, Польшу, громил фашистов в Восточной Пруссии, штурмовал Берлин. Дважды был ранен, на фронте вступил в ряды коммунистической партии. Полный кавалер ордена Славы, награжден орденом Красной Звезды и медалью “За отвагу”.

В декабре 1941 года с места службы, Дальнего Востока, танкиста Бессонова направили под Москву. А вскоре произошла и встреча с врагом. К этому времени гитлеровцам удалось прорваться к Москве. Разгорелись ожесточенные сражения. В частях 9-й танковой дивизии защищал столицу механик-водитель Михаил Бессонов. Враг был отброшен от Москвы. От столицы фронтовые дороги повели танкиста Бессонова на Запад. В конце 1942 года начале 1943 года он воевал на Северо-Кавказском направлении, освобождал Нальчик, а потом дрался с гитлеровцами на Курской дуге. С мая 1944 года в составе 104-го отдельного танкового полка освобождал Витебск, Оршу, Борисов и Минск, гнал врага за пределы Родины.

В июне 1944 года после мощной артиллерийской и авиационной подготовки ударная группа 3-го Белорусского фронта прорвала оборону противника юго-восточнее Витебска и овладела городом Богушевском. Началась операция “Багратион” по освобождению Белоруссии.

В прорыв была брошена конно-механизированная группа генерала Осликовского, в которую входил 104-й танковый полк, где служил механиком - водителем Михаил Бессонов.

У местечка Яново гитлеровцы организовали оборону. По труднопроходимой местности танкисты 104-го полка с марша пошли в атаку. Фашисты встретили их плотным огнем. Несколько танков было подбито, когда Михаил заметил хорошо замаскированное вражеское орудие. Он свернул в редколесье, а потом, используя лощину, вывел свою боевую машину во фланг врага. Поднявшись на косогор, танк Михаила выскочил буквально в нескольких метрах от фашистов. Выстрел в упор — столб огня. Пулеметная очередь довершила дело. Танк помчался вдоль траншеи противника, пушка и пулемет работали на пределе.

— Миша... Миша! Миномет слева, — услышал Бессонов в шлемофоне взволнованный голос командира. Михаил понял, что миномет в мертвой зоне и его не достанешь ни пушкой, ни пулеметом. Развернув танк, Михаил бросил его на ровик, из которого гитлеровские минометчики вели огонь по наступавшей пехоте. Появление советского танка было для них полной неожиданностью. В какое-то мгновение фашисты вместе с минометом исчезли под гусеницами тридцатьчетверки.

А красноезвездная машина уже неслась вдоль вражеской траншеи.

...Удар невероятной силы потряс танк до основания. Михаилу показалось, что у него лопаются барабанные перепонки. Мотор заглох, танк остановился. Башню заклинило. Орудие вышло из строя... Тяжелораненый ра-

дист-пулеметчик осел за спиной Михаила.

Бессонов нажал на стартер: нужно было немедленно выходить из-под обстрела. Мотор заревел.

— Командир, рулевое отказало...

— Давай как-нибудь...

Изуродованный танк, огрызаясь огнем из пулемета, медленно пятился, как-то боком сползал в ложину, из которой они только что атаковали противника.

Фашисты заметили, что танк сильно поврежден и почти неуправляем. Около взвода солдат кинулось вслед за ним.

Когда мотор окончательно заглох, Бессонов с командиром и заряжающим заняли оборону.

Несколько раз ходили в атаку гитлеровцы на трех танкистов, но каждый раз откатывались под метким пулеметным огнем.

Танкистов выручили подошедшие тридцатьчетверки. Подбежавшие товарищи насчитали здесь около двадцати трупов фашистов.

За мужество и находчивость в неравном бою всему экипажу были вручены ордена Славы III степени.

Отремонтировав машину, Михаил Бессонов вместе с товарищами продолжал наступление. В боях за поселок Ленинский, под Минском, их экипаж ворвался в расположение противника и гусеницами раздавил противотанковое орудие и пулеметную точку с расчетом. Михаил Бессонов был ранен, но сражался до конца боя.

20 января 1945 года в Восточной Пруссии их танк уничтожил в бою две пушки, пять автомашин и до сорока фашистов. Доблесть механика-водителя Бессонова была отмечена орденом Славы II степени.

Вместе с полком старшина Михаил Бессонов штурмовал Берлин. Представляя его к ордену Славы I степени, командир полка майор Нестеров писал: «Бессонов Михаил Степанович в период боевых действий на территории

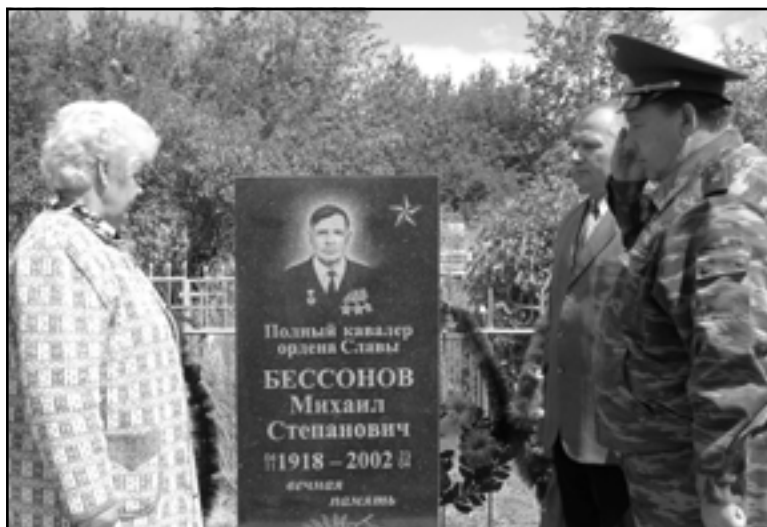
Германии показал образец мужества, храбрости и отваги. Действуя смело и решительно, мастерски маневрируя танком на поле боя, нанес противнику большие потери в живой силе и технике...” Далее следовал перечень уничтоженных зауральцем орудий, пулеметных точек, автомашин, солдат и офицеров противника.

Войну Михаил Степанович закончил на берегах Эльбы. 1 мая 1945 года он был тяжело ранен.

Демобилизовавшись из армии в октябре 1945 года, Михаил Степанович вернулся в родное Зауралье. Пахал землю, сеял и убирал хлеб. Женился, воспитали вместе с женой шестерых детей, всем дали образование. Все дети Бессонова Михаила Степановича закончили Белозерскую среднюю школу, живут и трудятся в Белозерском районе.

В деревне Корюкино именем кавалера 3-х орденов Славы Михаила Степановича Бессонова названа улица.

В апреле 2002 года Михаил Степанович ушел из жизни, похоронен на кладбище села Белозерское, где ему установлен памятник.

СИТНИКОВ Петр Игнатьевич

Петр Игнатьевич родился в 1920 году в деревне Пьянково Белозерского района. До призыва в Красную Армию работал трактористом.

На фронте был с первого и до последнего дня войны. Участвовал в Сталинградской битве, в сражениях на Курской дуге, освобождал Прибалтику, Польшу. Боевой путь закончил в Берлине. Полный кавалер ордена Славы. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями “За отвагу”, “За взятие Берлина”.

В апреле 1970 года, в канун 25-летия Победы над фашистской Германией, Министр обороны СССР пригласил в Москву полных кавалеров ордена Славы. Со всех концов страны съехались в столицу отважные фронтовики. Они не виделись с 1945 года. Встретились и командир орудия Али Гусейнов с наводчиком Петром Ситниковым.

— Пожалуй, это было самое волнующее событие в моей послевоенной жизни,— вспоминал после колхозный механизатор. — Я встретил самого дорогого друга по войне. От Сталинграда до Берлина прошли мы с Гусейновым в одном расчете, в каких только переплетах не побывали. На Волге насмерть стояли, на Курской дуге в

огне не сгорели...

Курская дуга. 52-я гвардейская стрелковая дивизия стояла под Прохоровкой — там, где гитлеровцы предприняли отчаянную попытку прорваться к Курску с юга.

“В первый же день немецкого наступления, с утра 5 июля 1943 года, особенно сильный натиск пришлось выдержать частям 52-й гвардейской дивизии полковника Некрасова и 67-й гвардейской дивизии полковника Баксова, которые входили в 6-ю гвардейскую армию,— говорится в книге “Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткая история”.— На их боевые порядки гитлеровцы обрушили огонь тысяч орудий и минометов. Сотни самолетов с душераздирающим воем пикировали на позиции наших частей, сбрасывая бомбы и обстреливая их из пулеметов. При поддержке артиллерии и авиации в атаку двинулись танки. Группами от 70 до 200 машин, с “тиграми” впереди, они устремились к нашей обороне, за ними — пехота... Но наши бойцы не дрогнули”.

— Теперь это уже история, — вспоминал Петр Игнатьевич. — А тогда был настоящий ад. Но мы действительно не дрогнули, хотя в той жесточайшей схватке досталось и нам. Были раненые и убитые и в нашем расчете.

После разгрома гитлеровцев на Курской дуге артполк, в котором служил Ситников, принимал участие в освобождении Украины, Прибалтики, Польши. Первый орден Славы Петр Ситников заслужил в 1944 году.

— 18 июля жаркий бой разгорелся за деревню Межилово. Несколько раз населенный пункт переходил из рук в руки. То мы, то гитлеровцы предпринимали яростные контратаки. В боевых порядках стрелковой роты весь день действовал расчет нашего орудия. Били противника прямой наводкой. При отражении вражеской контратаки расчет орудия уничтожил два станковых и три ручных пулемета, свыше тридцати вражеских солдат и офи-

церов. Жаркие бои пришлось вести нашему полку и в Прибалтике,— вспоминал Петр Игнатьевич.— Потерпев поражение в Белоруссии, фашисты предпринимали отчаянные попытки, чтобы удержаться в Литве, Латвии, Эстонии. Но тщетны были их усилия — ведь шел 1944 год. Мы были уже опытными, закаленными бойцами, да и в технике не уступали врагу. Не забуду бой 16 сентября 1944 года в районе Курвисте. Гитлеровцы лезли напролом. Их контратаки следовали одна за другой. Наше орудие находилось на прямой наводке в боевых порядках стрелковой роты. В снарядах недостатка не было. И били беспощадно. Ствол орудия от стрельбы раскалялся докрасна. К концу дня гитлеровцы выдохлись и отступили.

Отважный артиллерист Ситников с боями дошел до Берлина. На улицах вражеской столицы орудийный расчет действовал в составе штурмовой группы. Расчищая путь пехотинцам, артиллеристы выкатывали пушку на прямой выстрел, несмотря на сильный огонь врага, били в упор по дотам и дзотам, огневым точкам в подвалах и в оконных проемах зданий. В огне и дыму они шаг за шагом продвигались к рейхстагу.

Особенно памятным остался для Ситникова последний бой в Берлине. Гитлеровцы сражались с отчаянием обреченных. Отдельные части стремились вырваться из окружения, уйти на запад и яростно контратаковали. Петр Ситников вел бой в районе парка Гумбольдт-Хайн недалеко от рейхстага. Гитлеровцы бросили против бойцов танки и пехоту. Командир орудия был контужен, двое из орудийного расчета тяжело ранены. У орудия оставались только Петр Ситников и заряжающий. И тут невдалеке разорвался еще один снаряд. Петра Игнатьевича ранило в ногу и спину, но он остался у орудия. Израненный, истекающий кровью наводчик Петр Ситников нашел силы навести орудие и произвести выстрел, поджечь вражеский танк. Затем второй. Два отважных артиллериста перенесли огонь на пехоту...

Весна 1945 года. Личный состав гвардейского артиллерийского полка построен на плацу военного городка. “Полк, под Знамя, смирно, равнение направо!” — звучит команда. Перед строем солдат, сержантов и офицеров проносят святыню части. Под этим Знаменем они прошли весь свой боевой путь. И каждый воин, глядя на красный стяг, мысленно прослеживал свою фронтовую дорогу.

Потом отличившимся в боях вручали награды.

— Гвардии сержант Гусейнов!

— Гвардии ефрейтор Ситников!

— Гвардии...

Многие артиллеристы получили тогда ордена и медали. Командиру расчета Гусейнову и его наводчику Ситникову были вручены ордена Славы первой степени.

Вернувшись с войны, Петр Игнатьевич работал механизатором в колхозе “Восход” Белозерского района так же замечательно, как и дрался с врагом на фронте.

За трудовые успехи награжден орденом Октябрьской революции, медалями.

СОЛОВЬЕВ Василий Захарович

Василий Захарович родился в 1909 году в селе Доможирово Белозерского района. До призыва в Красную Армию работал трактористом. Ушел на фронт в августе 1941 года. Воевал под Калинином, на Курской дуге, освобождал Украину и Польшу. Дважды был тяжело ранен. Полный кавалер ордена Славы, награжден медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги”.

Часть стояла под Ржевом. Люди рады были короткой передышке. После обеда сели написать весточки домой. Но радость длилась недолго. Остались недописанными письма мысленного общения с любимыми и родными, как вспыхнул бой. Он оказался не рядовым. Танковое подразделение понесло потери и вымоталось до основания. Машину Василия Соловьева немцы подбили. Пять суток отбивался в окружении отважный экипаж. Этот бой трудно описать. Он вошел в славную историю полка ярким эпизодом героизма, доблести. О нем свидетельствует приказ командования о награждении танкистов медалями “За отвагу”.

Нелегко труд санитарного инструктора танковой части. А стал им гвардии старшина радист-пулеметчик 45-й гвардейской танковой бригады Василий Захарович Со-

ловьев во время сражения на Курской дуге. В батальоне, в котором он воевал, после тяжелого боя не осталось ни одного медицинского работника. Вот тогда Василий Захарович добровольно перешел в санитары. От Курской дуги шел отважный солдат, спасая раненых, возвращая в строй бойцов.

Жестокий бой разгорелся за селение Живачув. Не зная страха, под огнем противника оказывал Соловьев первую медицинскую помощь раненым. С 19 по 23 апреля 1944 года Василий Захарович спас жизнь трем раненым командирам, вынес с поля боя вместе с оружием 18 рядовых бойцов. В конце апреля кровопролитные бои шли за освобождение Правобережной Украины. Разгорелся бой с гитлеровцами в местечке Игжиска. Василий Захарович в тот день вынес из-под огня 11 раненых пехотинцев, четырех танкистов, оказал первую медицинскую помощь 18 бойцам. А 1 мая Василий Захарович Соловьев, рискуя жизнью, бросился к горящему танку и, несмотря на то, что машина могла вот-вот взорваться, вытащил из огня офицера и двух сержантов.

Из боевой реляции:

“Соловьев Василий Захарович, находясь в боях с немецко-фашистскими захватчиками в качестве санинструктора, проявил смелость и отвагу. За период боев с 16 июля до 18 августа 1944 года Соловьев оказал медицинскую помощь 39 бойцам. В районе Сокаль на подступах к реке Западный Буг оказал медпомощь двум офицерам, трем сержантам и эвакуировал их в тыл. На подступах к деревне Острув в районе реки Сан гвардии старшина Соловьев оказал медицинскую помощь и вынес с поля боя шесть офицеров и 19 сержантов. В районе реки Вислы и города Климонтув вынес с поля боя четырех офицеров и 10 сержантов. Несмотря на артиллерийский и минометный огонь всегда находился в боевых порядках танков и вовремя оказывал медицинскую помощь раненым”.

Василию Захаровичу приходилось ходить и с разведчиками в тыл врага, участвовать в засадах и не всегда только действовать йодом и бинтами. Не ржавел и автомат отважного бойца. Освобождая Польшу, наши войска приближались к границам Германии. Командованию потребовалось разведать передний край противника. В разведку был послан взвод танков с 20 бойцами прикрытия. С неизменной санитарной сумкой и автоматом пристроился на броне одного из танков и Василий Захарович. Событие происходило в ночь на 26 января в районе города Альт. На скорости три танка с бойцами ворвались в деревушку. На окраине горело несколько домов. Только один из танков вышел за деревню, как по нему ударили из фаустпатрона. Вскоре к остановившимся танкистам с трудом добрался обгорелый водитель подбитого танка. Из его рассказа бойцы поняли, что в танке остался раненый командир.

Несколько бойцов и Василий Захарович Соловьев поспешили на помощь. Но к танку подойти оказалось невозможно из-за сильного огня фашистов.

— Вы меня огоньком прикройте, а я попытаюсь пробраться, — предложил Василий Захарович.

Танкисты завязали с гитлеровцами перестрелку, а Соловьев пополз под прикрытием огня и темноты выручать товарища. До танка он добрался благополучно. Через десантный люк вытащил командира Глазырина, который был без сознания, и пополз обратно. Но в небо полетели десятки ракет. Стало светло, как днем. По шоссе ударили трассирующие очереди. Василий Захарович почувствовал сильный удар в плечо. Он полз, теряя порой сознание, но Глазырина не бросал. Истекая кровью, он добрался до своих. Очнулся уже в медсанбате.

В год 50-летия Великой Октябрьской революции. Василия Захаровича пригласили в военкомат Каргапольского района. Он удивился: зачем?

- Дорогой, товарищ Соловьев, как долго шла к Вам бо-

евая награда! — сказал Василию Захаровичу военный комиссар и приколот на пиджак отважного ветерана орден Славы I степени.

Так в Курганской области появился еще один полный кавалер ордена Славы.

Василий Захарович, вернувшись с фронта, поселился в поселке Кособродск и многие годы трудился на автозаправочной станции. Ему было присвоено звание – Почетный гражданин поселка Кособродск. И он его с честью пронес до последнего дня на матушке-земле. 14 мая 1984 года перестало биться сердце патриота.

Здесь же, в Кособродске, земляки в память о замечательном воине, труженике и гражданине в девяностые годы открыли памятный колодец имени полного кавалера солдатской Славы Василия Захаровича Соловьева. Пусть пьют люди водицу и набираются мужества, каким обладал их односельчанин.

Геннадий УСТЮЖАНИН

Танки идут вперед.

Леонид ШУРАВИН

В ПОЛКОВОЙ РАЗВЕДКЕ

Шуравин Леонид Иванович родился 16 августа 1924 года в селе Кодское Шатровского района. Призван в Красную Армию летом 1942 года. Старший сержант, командир отделения взвода разведки. Воевал в составе 289-го стрелкового полка 120-й стрелковой дивизии на 3-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах. Орденом Славы III степени награжден в 1945 году за взятие города Оппельн. За взятие “языка” и получение сведений о противнике в апреле 1945 года награжден орденом Славы II степени. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, тринадцатью медалями. С 1952 года живет в Белозерском районе. В настоящее время подполковник в отставке принимает самое активное участие в общественной жизни района. Награжден орденом “Знак Почета”.

При встречах, чаще это бывает с молодежью, не редко просят рассказать о каком-либо боевом эпизоде. Признаться, я затрудняюсь что-нибудь выделить. Для меня все прожитое на войне одинаково важно. Каждое разведздание легким не было. Более того, даже удачно выполненное – не всегда приносило удовлетворение, ибо из разведки возвращалась группа не всегда целой и невредимой.

Заменить выбывшего из строя разведчика не так-то просто. Важно, чтобы новичок был опытным бойцом, к тому же бесстрашным, с выдержкой и выносливостью. В

разведку шли на добровольных началах. Чувствуешь себя готовым к разведывательной службе – иди в разведвзвод, там люди действуют, как один. На своего боевого товарища надеешься, как на самого себя.

Взвод разведки стрелкового полка был в те годы до 18 человек. Это по штату, а фактически в боевой обстановке и того меньше. Но в таком небольшом нашем подразделении больше всего в числе “долгожителей” были разведчики с именем Виктор. Начальником разведки полка был Виктор Зеленин, командир взвода Виктор Восстриков, разведчики: Виктор Карпук, Виктор Рязанов, Виктор Дмитриев, Виктор Белоруков, Виктор Белозерцев. Все они были разведчиками что надо. Что характерно, все они дожили до победного Мая, правда, без ранений не обошлось. Мы считали – Виктор, значит, победитель.

А меня в те годы Викторы называли Лешка-Сибиряк. Мне было приятно, что так уважительно на фронте относились к сибирякам, а немцы сибиряков боялись. Под Москвой почувствовали, кто такие сибиряки, и до Берлина боялись.

Самым важным событием каждого воина был последний день войны. Запомнился он мне тем, что утром 8 мая под Прагой наш 289-й стрелковый полк принимал первую для нас капитулирующую дивизию. В центре небольшого города командир полка Герой Советского Союза подполковник Южаков со своим штабом и при помощи разведчиков организовал эту операцию. На площади появилась гора сложенного оружия, в прилегающих улицах были привязаны к изгородям бесседлые лошади немецких офицеров. На обочинах - пушки, повозки, походные кухни и тысячи гитлеровцев.

Вот когда мы окончательно убедились, что Великая Отечественная война пришла к своему завершению, чувства более радостного мы до сих пор не испытывали. Посмотрев на капитулирующих вояк, мы убедились, что сошла со сцены когда-то хваленая немецкая армия.

А о моих делах в разведзвезде лучше расскажет мой
фронтовой товарищ Виктор Рязанов из города Терек.

* * *

В конце войны бои были очень тяжелые. Вот передо мной два документа – приказы Верховного Главнокомандующего с благодарностями нашей 120-й стрелковой Гатчинской Краснознаменной дивизии (командир Иван Павлович Говоров, генерал-майор) по случаю овладения городами Оппелън на Одере и Нейсе на Нейсе. Первый датирован 24-м января 1945 года, второй – 24-м марта. Ровно два месяца. Измеряю по карте расстояние между ними – всего 50 километров! В это вдуматься надо: за два месяца – 50 километров. А ведь мы измеряли версты не по карте, а, как говорится в песне, “по-пластунски пропахали”, смешивая свою кровь со снегом и грязью, а самое печальное – теряя и теряя товарищей.

Недавно у меня гостил однополчанин Николай Светлугин из города Сокол Вологодской области. За четверо суток перебрали мы с ним все эти километры и метры, вспомнили всех друзей, мертвых и живых, и чаще всего звучало имя Лешки-сибиряка, Леонида Ивановича Шуравина из села Белозерского. О нем можно написать целую книгу.

...Мы, разведчики 289-го стрелкового Нарвского ордена Александра Невского полка, валились с ног. Наконец, на каком-то тихо горящем фольварке отвоевали крохотный уголок, чтобы хоть немного покемарить, но тут же слышалось:

- Где разведчики? Шуравина к Усачу (так в полку за глаза звали начальника штаба подполковника Семена Ефимовича Павловского).

Вернувшись, он махнул рукой:

- Опять Алярник...

Тут требуется некоторое пояснение. Наша 120-я была сформирована к концу Ленинградского сражения из двух отдельных бригад 11-й стрелковой и 142-й морской, и в

отворотах гимнастерок нет – нет да и выглядывала “морская зебра”, а в атаках мелькали бескозырки.

Алярник был одним из “морских волков”. Носил он майорские звездочки, командовал батальоном, отличался отвагой, но все это не прибавляло ему знаний (до войны он был корабельным кочегаром), он очень “приблизительно” разбирался в картах и схемах и нередко заводил батальон не туда, куда предписано.

Это было чревато паршивыми последствиями. И нам, разведчикам, не раз приходилось разыскивать злополучный 2-й батальон.

В те дни, о которых рассказ, всякое “плутание” было особенно опасно, потому что фронт еще не стабилизировался, представляя из себя “слоеный пирог”, когда не сразу понимаешь, где “передок”, кто кого окружил, а населенные пункты переходили от одних к другим в какие-то короткие часы.

Пошли мы вчетвером. Батальон Алярника отыскивали довольно быстро, уточнили его координаты и сразу тронулись обратно.

Шли, как положено, попарно, соблюдая какую-то дистанцию, что было почти невозможно в такой невероятной темноте мартовской ночи. Бдительность, конечно, была основательно понижена – ведь этой дорогой мы свободно прошли какой-то час назад, а может, и меньше. К тому же на взгорье горел фольварк, к которому мы шли, на виду, а там были наши.

Детально разбирая этот эпизод через полвека, мы со Светлугиным пришли к выводу, что от верной гибели нас спасло два обстоятельства. Во-первых, въевшаяся привычка в любых обстоятельствах ходить рассредоточенно, во-вторых, поразительная ориентация, находчивость и выдержка Шуравина.

Шли так: в первой паре – Шуравин и Витя Белоруков, во второй – Коля Зорькин и Леша Воронцов, в замыкающей – я и Светлугин.

Движение большой колонны мы почувствовали изда- лека (именно почувствовали – это слово наиболее точно отражает восприятие большой массы людей). Какова была ее численность, ни тогда, ни сегодня определить невозможно, может, 100 человек, а может, и вся тысяча.

Издали Шуравин крикнул:

- Кто идет?

В ответ послышалось на чисто русском языке:

- “Свои!” – и был припечатан довольно замысловатый набор непечатных выражений, что вообще снимало какое-либо подозрение.

Когда же первая пара уже втянулась в колонну, то как- то подсознательно поразила необычная для наших солдат тишина. Зорькин зажег фонарик, и его луч вырвал из черноты ночи жуткую картину – вокруг были немцы.

Ночь мгновенно взорвалась стрекотом автоматов, гро- хотом гранатных взрывов, гортанными командами немец- ких офицеров. Слышался голос и Шуравина:

- По кюветам! Прыгай! - И для краткости добавил еще кое-что.

Столь неделикатное обращение имело большой смысл. Мартовская погода залила кюветы ледяной та- лой водой и грязью, и элементарный инстинкт противил- ся лезть в это месиво даже при смертельной угрозе, но когда “такой” приказ... Помнится, я плюхнулся в кювет, и все незащищенные части тела, как кипятком, обожгло, а потом его струи полезли за шиворот и в другие места, куда можно было проникнуть.

У немцев паника, крики. Я не сразу понял причину, но при очередном гранатном сполохе увидел, что Шуравин продолжает стоять на дороге, левой рукой держит за груд- ки убитого фашиста и, прикрываясь им, ведет самый страшный огонь – кинжальный, в упор, без промаха. Это и обеспечило перелом в скоротечной схватке. Среди дру- гих криков послышалось: - “Цурюк! Цурюк! Шнеллер цу- рюк!” – и огонь стал ослабевать, а вскорости и вовсе за-

тих. Немцы бежали, растворились в ночи...

Когда все стихло, Шуравин приказал:

- Отозваться!
- Белоруков – простреленные обе ноги, идти не могу...
- Воронцов – в норме...
- Рязанов – в норме...
- Зорькин?!

В ответ послышался едва слышный стон...

- Я беру Белорукова, Рязанов со Светлугиным Зорькина, Воронцов – в прикрытие. Бегом на фольварк!

Вскоре мы вернулись с солдатами из полковой роты. Все было тихо и спокойно. На дороге и возле нее лежало 12 трупов, среди которых был и человек в форме польского железнодорожника (видимо, его и вели с собой фашисты для того, чтобы отвечать по-русски в случае встречи с советскими войсками), раненых не было, их унесли.

Так мы отбросили назад в “котел” группу фашистов и тем предотвратили возможные “неприятности” (они же могли выйти неожиданно на любой штаб или подразделение и, кто знает, каких натворили бы бед).

Но дело омрачалось горечью наших потерь. Правда, Витя Белоруков большого опасения не вызывал, и Леша Шуравин уже после войны встретил его на ногах, хоть и с палочкой, в запасном полку, готовился к демобилизации.

А вот Коля, общий любимец, гитарист и певец, ленинградец... когда он посветил фонариком, ему на свет выстрелили в упор в живот, пули еще не набрали скорость и там застряли. Медики сказали, что надежды почти нет. Все же мы ищем, а вдруг?

Расскажу еще об одном поиске, когда находчивость и необыкновенная выдержка Лешки-сибиряка спасли всю нашу группу от верной гибели.

Мы стояли в обороне в Силезии, близ Шварцгрунда, между Одером и Нейсе, где фашисты задержали нас на одном из промежуточных рубежей. До Берлина оставалось, как говорят, совсем ничего, и все понимали, что

остановка недолгая, скоро опять вперед, а для нас, разведчиков, это непременный “язык” – надо знать перед наступлением, на что и на кого идешь.

Старшим был Шуравин. Переход “передка”, как всегда, он подготовил и провел так искусно, что, выражаясь словами Лешки Ракитянца: “ни один собак не гавкнув”. Быстро ушли мы на несколько километров в глубь обороны, подальше от “густонаселенного” переднего края. А вот дальше не повезло. Фрицев немало, но в таком количестве или при таких обстоятельствах, что “брать” было нельзя. Это только на “передке” можно, как говорят разведчики, действовать “нахапок”, поднять шум, стрельбу и при помощи огонька из своих окопов отойти со схваченным ротозеем. В тылу такой способ равносителен самоубийству, здесь нужно действовать только так, чтобы “ни один собак не гавкнув”.

Поиск был рассчитан на одну ночь, но она подходила к концу, а дело сделано не было. Уходить было глупо, и мы единодушно решили остаться. Ночь начинала редеть. А куда деваться? “Рысиные” глаза Невметуллы Умярова каким-то чудом разглядели сквозь утренний полумрак и сетку густого тумана лесок. Туда! С огромным трудом, вытягивая сапоги из земли вспаханного с осени поля, мы потянули к лесу. Но не прошли сотни метров, как впереди на дороге послышался звук, характерный для большой группы шагающих строем людей.

Все!?! Быстро светало. Не уйти никуда. Последний бой. Смертный... Это было ясно каждому. Что ж, продадим жизнь как можно дороже, разведчики это умеют – солдаты особой выучки, добровольцы (это были единственные в армии подразделения, куда зачислялись только на добровольных началах).

И вдруг мы услышали глухой, но твердый голос Шуравина.

-Не паниковать! К кагатам! Зарываться!

Потрясающая наблюдательность и четкая ориентиров-

ка... Все мы потом признавались, что не обратили внимания на два, сложенных с немецкой аккуратностью навозных кагата, какие бауэры заготовливают, чтобы по весне разбросать их по полю. Они были огромными, примерно метров десять в длину и три – в высоту. Мы мгновенно зарылись в них, просматривая “мир” лишь через узенькие просветы.

Рассчитывали, что все это ненадолго, думали, что какое-то подразделение движется к фронту. Но “ плен” оказался страшным. Солдаты, несшие с собой не только винтовки и автоматы, но и лопаты, неподалеку от нашего “убежища” принялись под руководством нескольких офицеров за рытье окопов. Это исключало не только наш выход, но и шевеление, тем более что немцы то и дело подбегали к кагатам по своим нуждам. Смертельный бой мог вспыхнуть в любую минуту. К тому же хоть и была весна, но кое-где еще лежал снег и моросил почти непрерывно холодный дождь.

И все же в тот день родились мы, как потом говорили доморощенные полковые острословы, под “счастливой навозной кучей”. “Отлежались” до темноты, дождались ухода немцев, вылезли на “волю”, кое-как размялись. И сразу же две удачи. Тот же Невметулла слышал шелест велосипедных шин по шоссе. Один! Взяли “шутя”. Оказался “цивильный” (гражданский) парень. Пригодится... Двинулись вдоль дороги к “передку”. Второго все услышали: тарыхтит по булыжнику телега. С этим пришлось повозиться – здоровый ефрейтор.

Домой чуть не бежали. И часа через два были уже на месте, встреченные обеспокоенными однополчанами – вовремя-то не явились. Умиrotворенные, гордые, хоть и запачканные с ног до головы навозной массой, мы хрипели: “Лешка... Шуравин... Без него капут бы”.

Добавлю. Ефрейтор оказался очень “длинным языком”: он развозил по батареям различные грузы и хорошо знал их расположение. Пожалуй, не менее ценными

оказались и сведения “велосипедиста”: у них в доме стоял штаб, и он многое слышал...

А в конце признаюсь. Я давно хотел хоть что-нибудь рассказать белозерцам о фронтовых делах их земляка Леонида Ивановича Шуравина, но... противился он: неудобно, дескать, о секретаре райкома... Теперь он давно уже находится на заслуженном отдыхе, и я считаю вправе поведать, какой отважный фронтовик возглавляет Белозерскую организацию ветеранов.

«Счастье - оно ведь тоже бывает разным...

Счастье - это верность. Верность идеалам, которые пронес через все испытания и невзгоды. Верность своему долгу, своей цели, к которой шел неотступно. Верность своей семье и друзьям, с которыми неизменно был в радости и в беде. Верность своей стране и своему народу...»

Виталий ПОПКОВ,
дважды Герой Советского Союза

МОЙ СЛАВНЫЙ ДЕДУШКА

Переpletчиков Александр Аввакумович родился 17 ноября 1924 года в деревне Першино. Старший сержант, сапер. В августе 1942 года поступил в военное училище города Тюмени. Курсантом был направлен на фронт. Воевал на Курской дуге. Трижды ранен. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалью “За боевые заслуги”. Работал трактористом, заместителем директора совхоза «Белозерский». Живет в селе Баярак.

Мой славный дедушка Александр Аввакумович Переpletчиков - ветеран Великой Отечественной войны. Жаль, что этих людей осталось немного. А они - живая история нашей страны. Я хочу, чтобы все узнали про моего дедушку, про его нелегкую военную судьбу.

Дедушка не любит рассказывать про войну, ему тяжело об этом вспоминать. Когда он со мной разговаривал, то его голос дрожал. И тогда я почувствовала всю его душевную боль.

Он не сразу попал на фронт. Лишь 17 августа 1942 года Белозерский райвоенкомат вручил ему повестку для поступления в военное училище. В то время моему дедушке не было еще восемнадцати лет, и поэтому он призвался добровольцем. Сначала был направлен в Первое Тюменское пехотное училище. Учеба в нем тогда была переведена на ускоренную программу. И деду не пришлось пол-

ностью закончить курс, в феврале сорок третьего года он уже был направлен на фронт. На месте формирования ему было присвоено звание младшего командира, а боевое крещение Александр Аввакумович получил на Курской дуге.

Восьмого июля 1943 года 5-ую армию, где служил Александр Переплетчиков, бросили в контрнаступление, так как противник прорвал оборону, продвинулся вперед на тридцать километров. «Наша задача была, - вспоминал дедушка, - сдержать наступление немцев, занять оборону и выстоять, отражая врага». Тучи немецких танков неожиданно появились на позиции, земля горела - вот какие кровавые бои шли на Курской дуге. Из взвода, в котором воевал мой дед, остались в живых только он да еще один боец.

При наступлении, не доходя пяти километров до города Орла, дедушка был ранен в обе голени. Из полевого медсанбата его перевезли в город Махачкала, где он пролежал в госпитале три месяца. После выздоровления был направлен в город Краснодар, затем в Тамань. При новом формировании овладел специальностью десантника.

В конце сорок третьего года в числе десанта был высажен на Керченский полуостров, участвовал в освобождении Крыма от немецко-фашистских захватчиков, в том числе и в освобождении города Севастополя. Был награжден медалью «За боевые заслуги».

После освобождения Крыма их воинскую часть перебросили на Западную Украину. Также дедушка участвовал в освобождении Польши и Чехословакии. При переходе через Карпаты был снова ранен, на этот раз в шею. Случилось это 13 октября сорок четвертого года. Из медсанбата был перевезен в госпиталь в город Лукачев. За боевые действия в Карпатах Александр Аввакумович награжден орденом Славы третьей степени.

После четырех месяцев лечения он снова отправился на фронт. И прошел еще через множество жестоких боев, которые унесли тысячи жизней. Дедушка Александр

Аввакумович с большой печалью и душевной болью рассказывал мне об этом.

Наконец пришла долгожданная победа! Но для деда война не закончилась. Отдельные немецкие группировки не хотели сдаваться, зная, что их ожидает суровое наказание за все, что они совершили. Полк, в котором воевал мой дедушка, продолжал очищать землю от фашистской нечисти. За бои по освобождению Чехословакии дедушка награжден орденом Красной Звезды. Лишь в пятьдесят первом году вернулся солдат домой, в село Баярак Белозерского района. Работал дедушка трактористом, механиком и двадцать с лишним лет, до ухода на пенсию, управляющим отделения в совхозе. За свой мирный труд тоже получил немало наград: медали, почетные грамоты, премии, поощрялся путевками в санатории и дома отдыха. За дела и душевную доброту его уважают люди. Но раны все чаще и чаще давали о себе знать, и он ушел на заслуженный отдых. У дедушки есть любимое занятие - резьба по дереву. И он сильно огорчается, когда из-за болезни не может этим заниматься. Ему семьдесят семь лет. У него три сына и дочь, одиннадцать внуков.

Два брата деда - Михаил и Гавриил также принимали участие в Великой Отечественной войне.

Так давайте же помнить этих людей, которые сражались, отдавали свои жизни за нашу жизнь и свободу. Помнить всех, кого уже нет с нами, и тех, которые живут среди нас.

Правительство повысило им пенсии и установило ряд льгот, но они нуждаются в гораздо большем - в нашей заботе и помощи, в нашем участии и добром слове. За все, что они сделали, бесконечная им благодарность, низкий поклон и вечная память. И не дай Бог нам перенести такую войну. Я буду помнить об этом, дедушка. Я расскажу о тебе своим детям.

Анна ПЕРЕПЛЕТЧИКОВА

Алексей ЛАЧКО

ОДНОЙ

СУДЬБОЙ

ПОВЕНЧАННЫЕ

Алексей Григорьевич Лачко родился 15 февраля 1925 года. Участвовал в боях в составе 56-й мотострелковой бригады 23-го танкового корпуса, инвалид войны. Награжден орденами Отечественной войны I степени, Славы III-й степени, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги” и другими. Живет в селе Светлый Дол Белозерского района.

В сентябре 1943 года в Васильковском районе Днепропетровской области на формировке находилась 56-я мотострелковая бригада 23-го танкового корпуса. Вместе с новым пополнением в неё попал и я. Меня отправили в полковую школу по подготовке командиров расчетов станковых пулеметов. Окончить школу не удалось. Начались бои за город Запорожье, и наш корпус вступил в боевые действия. Бригада преодолела реку Днепр по понтонному мосту под артиллерийско-минометным обстрелом и непрерывными налетами фашистских самолетов, но меня разрывы миновали.

В октябре участвовал в первом бою. Когда пошли в атаку на село, часто шлепался на землю, казалось, что все мины и пули летели в меня. А потом стал действовать так, как бегущий рядом пожилой солдат. После боя от него и узнал, что солдат свою смерть не услышит. Если

провыла мина или просвистела пуля, то они полетели за жизнью другого.

В марте 1944 года наша бригада вместе с другими частями 23-го танкового корпуса наступала от Кривого Рога на Николаев, с задачей отрезать пути отступления шестой немецкой армии, окружить её и уничтожить. Мне запомнилась непролазная грязь, когда машины не могли передвигаться по дорогам, изрезанным глубокими колеями. Пехотинцы барахтались по колено в грязи, своими руками вытаскивали машины и орудия.

В ночь на 14 марта противник решил пойти на прорыв линии окружения. Тысяч шесть немцев вырвалось из “котла” и начали быстро отходить на Запад, где у них на берегу реки Ингул был подготовлен оборонительный рубеж.

Командиру нашей бригады Штанько было приказано вместе с одной из танковых бригад форсированным маршем на машинах опередить вырвавшегося противника. Выйти на реку Ингул, захватить мост, отрезать путь отхода немцам. И нам это удалось. Разведка, высланная на бронетранспортерах, с рассветом донесла, что колонна противника, не подозревая о засаде, приближается к мосту. Когда немцы подошли к реке на 300 метров, по ним открыли огонь танки, артиллерия и мотострелковые батальоны. Немцы минут через тридцать начали сдаваться. Было пленено более четырех тысяч гитлеровцев, взято семь танков, около двух десятков бронетранспортеров, целый артиллерийский полк и до сотни автомашин. За этот бой бригада была награждена орденом Красного Знамени. Многим солдатам и офицерам вручили награды. Мое участие в этом бою осталось не замеченным.

Вспоминается село Стрюково, которое наш батальон внезапно занял ночью. Немцы не ожидали нашего появления и выскакивали из окон в одном белье. Такое “представление” я видел только раз. В этом бою мне удалось взять в плен двух немцев.

На станцию Веселый Кут мы ворвались тоже неожиданно. Немцы бежали, оставив в домах горячие закуски, выпивку. В бою уничтожил восемь немцев. Мне присвоили звание младшего сержанта и наградили медалью “За отвагу”.

Хочу рассказать еще об одном случае. В бою под станцией Ново-Полтавка, где находился большой склад артиллерийских снарядов. Мы окопались на озимом поле. Немцы же были остановлены на неубранном кукурузном, прилегающем к озими. Ночью они предприняли еще две атаки, но были отбиты. После еще одной непродолжительной перестрелки наступило затишье.

В обороне немцы обычно освещают местность ракетами. А здесь не было ни ракет, ни выстрелов. Прошло три часа. Комбат послал меня и еще одного солдата - выяснить обстановку. Мы повторили приказ и тихо выбрались из своих окопов. Признаюсь, все похолодело внутри, когда мы поползли в сторону немцев.

Здесь необходимо сказать, что на фронте всегда существовало простое и святое понятие “надо”: надо идти в атаку, надо пробираться в неприятельский тыл, ежесекундно рискуя напороться на вражескую мину или быть обнаруженными и обстрелянными противником, не перечесть этих “надо” на войне! Но воспринималось это нами, как категоричная боевая необходимость, как железное требование военной присяги. И это “надо” заставляло каждого из нас выполнять приказ даже тогда, когда он казался невыполнимым или верной гибелью.

Пробираясь к кукурузному полю, мы ожидали напороться на выстрелы из немецких окопов. Но была тишина. Это придавало нам смелости, и мы двинулись вглубь поля. Через несколько метров наткнулись на окопы. Они были пустыми. Проползли все поле. За ним виднелось село. Здесь мы стали действовать смелее. Пробравшись в одну хату, от хозяйки узнали, что немцы после стрельбы на кукурузном поле вынесли много раненых и убитых, а но-

чью ушли из села.

С хорошей вестью мы вернулись в батальон и доложили результаты разведки. Утром мы вошли в село, за ним сбили несколько немецких заслонов и буквально на их плечах продвинулись на 20 километров.

В августе 1944 года наша бригада участвовала во взятии румынских городов Роман, Бакэу и других. Мотострелкам было приказано ликвидировать укрепрайон и обеспечить дальнейшее наступление наших войск. Чтобы выявить огневые точки противника, наша пятая рота, усиленная станковыми пулеметами, была брошена на разведку боем. В ходе её мы понесли большие потери. Тяжело был ранен и я.

Боевые действия бригада закончила в Чехословакии, недалеко от города Брно.

В нашем корпусе достойно воевали курганцы Плотников Н.И., Алексеев В.И., Биткин В.С., Васильев П.П., Кузнецов А.Н, Мохирев И.П., Никифоров В.Н, Неустроев А.Г., Пахомов А.М., которых я помню.

Идем на прорыв обороны врага

В СТРОЮ ПАРАДА ПОБЕДЫ

Тюркин Андрей Никитич родился 26 апреля 1922 года в селе Паракино Мордовской АССР. Призван в Красную Армию в мае 1942 года. Младший сержант, сапер. Воевал в составе 886-го саперного батальона на Украинском и Белорусском фронтах. Награжден орденами Славы II и III степени, Красной Звезды, медалями “За отвагу”, “За взятие Кенигсберга”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Участник парада Победы на Красной Площади. Демобилизован в марте 1947 года. Работал комбайнером в колхозе “Восход”. Награжден медалью “За доблестный труд”. Умер 18 ноября 1996 года, похоронен на кладбище села Пьянково.

Андрей Никитич Тюркин один из тех, кто защищал нашу Родину в суровое военное лихолетье. В 1942 году он добровольцем ушел на фронт. Добровольцем – под этим скупым, но сжатым, как стальная пружина, словом – стоит характер, скрываются трудные и незабываемые дни фронтовой жизни солдата Тюркина, о котором я хочу рассказать.

Шел 1943 год, мощное контрнаступление Красной Армии после жесточайшей битвы у стен Сталинграда смело оборону гитлеровцев. Наступил коренной перелом в Великой Отечественной войне. И не только в военных силах, главное в духовном настрое. Это проявилось особенно после боев под Курском и Орлом, когда наша ар-

мия приступила к изгнанию врага с оккупированной им территории. Об этом громом артиллерийских залпов, огнями сияющих фейерверков известили миру августовские победные салюты Москвы.

Эти отблески салютов высвечивались и мужеством нашего земляка рядового Андрея Тюркина. Сколько раз смотрел он смерти в глаза, но не дрогнул, не испугался опасности. В наступательных сражениях он прошел по всей Белоруссии, освобождал Польшу. День Победы встретил на реке Одер, в городе Шецин. Как радовался, просто ликовал, что остался живой, что с честью выполнил свой солдатский долг перед Родиной. Его грудь украшали орден Красной Звезды, ордена Славы 2 и 3 степеней, медаль “За отвагу” и другие награды. И что ему, крестьянскому сыну Андрею Никитичу оказана великая честь участвовать в параде Победителей на Красной площади в Москве. От счастья, от гордости за себя и за народ, за товарищей с которыми шел к этому дню через бои, раны и гибель верных друзей.

После окончания Великой Отечественной войны служба у солдата продолжалась. Вернулся домой Андрей Николаевич Тюркин только в 1947 году. И здесь его ждали большие дела. Стал вчерашний воин хлеборобом. Теперь местом подвига для вчерашнего солдата стало хлебное поле золотых колосьев пшеницы и штурвал комбайна. С рвением молодой сержант взялся за работу. И почти сорок лет каждую страду по полям колхоза “Восход” водил он степные корабли. И действительно, порой поле жатвы превращалось в настоящую передовую.

— Особенно мне запомнился 1964 год. — Рассказывал Андрей Никитич. — Самый трудный в моей механизаторской судьбе. Дождливой была осень, не смогли вовремя убрать урожай. Пшеницу молотили уже зимой, на току. Смерзшиеся хлебные валки грузили на тракторные тележки и подвозили к комбайнам, а здесь уже мужчины

бросали хлебную массу вилами в подборщики. Но мы выстояли, победили и эту непогоду, хлеб обмолотили полностью. Другого не дано, ведь хлебороб – он всегда боец и борец, то с непогодой, то с капризами природы. Нам не привыкать. Слава Богу техника поступает мощная, такая, о которой мы раньше не мечтали. Комбайны “Нива” не идут ни в какое сравнение с “коммунарами”, на которых приходилось работать в первые послевоенные годы”.

Отважный воин, прекрасный труженик, Андрей Никитич вместе с женой Марией Яковлевной воспитали пятерых детей, дали им хорошее воспитание, вырастили их настоящими людьми, которые продолжают добрые традиции семьи участника Парада Победы Андрея Никитича Тюркина.

Геннадий ПАВЛОВ

СЫНУ

*Восемнадцать - совершеннолетье.
Значит, ты отныне не юнец.
Но не забывай, сынок, в ответе
За тебя по-прежнему отец.*

*Нам на всех дана одна планета.
Кто ты? Хлебороб, кузнец, певец...
Будь хоть генералом, но в ответе
За тебя, сынок, родной отец.*

*И когда прощусь я с белым светом,
Подведя делам своим венец... -
И тогда я за тебя в ответе:
Люди спросят: - «Кто был твой отец?»*

ГВАРДЕЕЦ ДМИТРИЙ ЧУВАКОВ

За поляной, поросшей высокой зеленой травой, на возвышении — вражеский блиндаж-дот. Хлещут из дота пули огненной смертью. Редуют ряды батальона. Уже несколько боевых ребят, прошитых пулями, остались лежать на поляне. А вражеский пулемет бьет и бьет.

— Товарищ капитан, разрешите мне? Дайте я попробую. Я хитрый. Я их гадов, обхитрю! — просит Дмитрий Чуваков. — А то они так всех нас положат.

Командир батальона пристально посмотрел на крепыша сержанта.

— Давай, Митя! Плохи наши дела. Дот надо взорвать. Побьют всех, сволочи! Давай, Митя!

И пополз сержант Дмитрий Чуваков. Бойцы видели как высокая трава чуть пошевеливалась, указывая направление движения Чувакова.

— Убьют! Эх, убьют!

Пули косили траву там, где полз сержант. И трава в том месте перестала шевелиться...

— Все, кончили сержанта, сволочи...

Но Чуваков, нащупав, небольшую ложбинку, полз, плотно прилегая к влажной прогретой солнцем смоленской земле. Автомат, диски, гранаты — тяжело. Пот заливает глаза. Замер. Пули пели и шипели, срезая головки цветов, подкашивали высокую траву...

“Нет, прямо не взять. Убьют. Надо в обход. Только бы

сил хватило”. – сообщает сержант. Вот опять небольшая ложбинка. Сыро. Только по-пластунски, только так как учили, не поднимая головы. Вжиматься в землю. И он полз, метр за метром, обливаясь потом, изнемогая. Свист пуль остался немного в стороне.

Неожиданно руки ощутили срез земли. Дмитрий приподнял голову — траншея. Сполз в нее. Отдышался и пригнувшись, изготовив автомат, пошел. Траншея поворачивала по направлению к доту: “Ага, вот он где!” Увидел блиндаж и приоткрытую дверь. “Надо поближе, чтоб наверняка...” - И медленно стал пробираться вперед... Из блиндажа вышел немец с автоматом. Чуваков вскинул автомат и дал очередь. Немец плюхнулся у двери, раскрыв ее еще шире.

Две противотанковые гранаты одна за другой влетели в открытые двери блиндажа. Взрывная волна отбросила сержанта. Поднявшись он увидел болтающуюся дверь, черный дым, валивший из разлетевшегося укрытия фашистов. Мощное “Ур-р-а-а-а!” — катилось по полю. Немцы открыли минометный огонь. Чуваков слышал как сбоку рвануло. Сбило с ног, засыпало землей...

Домой пришла горестная весть: ваш сын, Чуваков Дмитрий Васильевич, проявив в бою мужество и героизм, пропал без вести.

Плакали, скорбя по сыну, отец, мать, родные и невеста Полинка...

Счастье всегда на стороне отважных. Чувакова нашли бойцы другого подразделения. Неделю он не мог открыть рот, — скулу свернуло набок. Сильная контузия и ни одной раны.

Орденом Славы была отмечена доблесть сержанта Чувакова в этом бою.

Самый трудный, о котором не любил вспоминать Дмитрий Чуваков, был рукопашный бой. Его нельзя даже высказать. Вот они, пьяные, мышинового цвета мундиры прут

лавиной. Их звереподобные морды нахальны... Они совсем рядом...

Вот, споткнувшись о свинец, падает один, второй, третий, четвертый гитлеровец... Огонь по ним мощный. Прут немцы. Их много. Силы не равны.

И вдруг, в рядах атакующих отборная матерная русская брань, и новая волна атакующих. Они орут, бросают гранаты.

— Братцы, да это же власовцы! Суки! Бей их, сволочей!

Это они подошли по балке почти вплотную. Забрасывают гранатами. Убит взрывом командир батальона. От батальона осталось десятка полтора израненных бойцов. Командование взял на себя сержант Чуваков, но не надолго.

Одна из вражеских гранат шлепнулась к ногам Чувакова. Мгновенно понял: “Все, конец”, но словно стальной пружиной кинул свое тело в сторону. Рвануло. Отбросило взрывом. Очнулся в полевом госпитале, где все без наркоза: сто граммов спирта и - операция.

Шесть месяцев госпиталя и снова фронт. Дмитрий Чуваков командовал отделением автоматчиков охраны самоходных артиллерийских установок. Снова был ранен при отражении атакующих гитлеровцев.

Говорят, где отвага, там и честь. Дмитрий Чуваков стал трижды отважным. Вернулся с войны с тремя медалями “За отвагу” и орденом Славы.

Вот такими были бойцы-белозерцы на фронте.

Михаил ЖЕРЕБЦОВ

*Лекарства, что безрадостно глотал,
Как будто в чем-то есть моя вина.
В воспоминаньях юность золотая -
На голове, как пена, седина.*

БАИТОВ Александр Григорьевич родился 9 ноября 1923 года в деревне Дианово. Призван в Красную Армию в марте 1942 года. Младший сержант, наводчик. Воевал в составе 1-й гвардейской противотанковой дивизии на Северо-Западном фронте. Ранен. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, Славы III степени, медалью “За отвагу”. Демобилизован в 1947 году. Работал в Белозерской сельхозтехнике, комхозе. Живет в селе Белозерское.

БАИТОВ Семен Григорьевич родился 18 февраля 1921 года в деревне Дианово. Призван в Красную Армию в июле 1941 года. Рядовой, пулеметчик. Воевал в составе 51-го отдельного десантно-лыжного батальона, 626-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии. Награжден орденом Славы III степени, медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Демобилизован в 1943 году по ранению. Работал десятником на Диановском кордоне, бригадиром тракторного отряда, егерем. Умер 1 сентября 1990 года, похоронен на кладбище деревни Дианово.

БЛАГИНИН Андрей Васильевич родился 6 сентября 1925 года в деревне Второе Могильное. Призван в Красную Армию в январе 1943 года. Старшина батареи. Воевал в составе 128-го Краснознаменного минометного полка 13-й армии. Награжден орденами Славы III степени, Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями “За взятие Вены”, “За освобождение Праги”. Демобилизован в 1950 году. Работал в колхозе “Октябрь”. Живет в селе Ягодное.

БУРАКОВ Михаил Александрович родился 20 сентября 1923 года в деревне Лихачи Белозерского района. Призван в Красную Армию 18 марта 1942 года. Гвардии сержант, разведчик, командир саперного отделения, отделения связи. Воевал в составе 241-й стрелковой дивизии на Северо-Западном фронте. Освобождал Ригу. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени, медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Живет в городе Кургане.

БУСЛАВЬЕВ Василий Георгиевич родился 14 января 1925 года в селе Усть-Суерка. Призван в армию в 1943 году. Гвардии старший лейтенант. Воевал в составе 730-го стрелкового полка на 1-м Прибалтийском фронте, 61-го гвардейского стрелкового полка на Забайкальском фронте. Награжден орденами Славы III степени, Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, медалями “За отвагу”, “За взятие Кенигсберга”. Демобилизован в сентябре 1946 года. Работал секретарем сельсовета, учетчиком тракторного отряда. Живет в селе Усть-Суерское.

БУЦКИХ Павел Валентинович родился в 1918 году в деревне Ордино. Призван в Красную Армию в 1939 году. Старший сержант, командир взвода. Награжден орденом Славы III степени. Погиб в бою 1 февраля 1945 года. Похоронен в деревне Шебец, Германия.

БУШКОВ Василий Сергеевич родился 3 марта 1925 года в селе Говорухино Белозерского района. В Красную Армию призван в 1943 году. Сержант. Воевал на 1-м Белорусском фронте. Орден Славы III степени получил за форсирование реки Одер. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”. Демобилизован в 1950 году. Работал токарем на “Кургансельмаш”, в локомотивном депо станции Курган. Живет в городе Кургане.

ВАГИН Варлам Михайлович родился 6 ноября 1900 года в деревне Вагино Белозерского района. Гвардии младший сержант. Воевал в составе 42-го гвардейского артиллерийского полка. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны I степени, медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”. Демобилизован по ранению. Умер 18 марта 1997 года, похоронен на городском кладбище.

ВАГИН Василий Федорович родился 14 января 1915 года в селе Белозерское. Воевал в составе 7-го отдельного стрелкового батальона 2-й воздушно-десантной дивизии. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны I степени, двумя медалями “За отвагу”, медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. После войны работал столяром на заводе “Дормаш”. Умер 15 февраля 1996 года, похоронен на городском кладбище.

ВОХМЯНИН Иван Гаврилович родился 3 февраля 1922 года в поселке Стеклозавод. С марта по июнь 1942 года учился во 2-м Тюменском пехотном училище. Старший сержант, командир миномета. Воевал в составе 228-го стрелкового полка 54-й Степной армии на 1-м Украинском фронте. Награжден орденом Славы III степени, медалями “За оборону Сталинграда”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Тяжело ранен. Демобилизован в апреле 1944 года. Работал начальником производства на Обозобондарном заводе. Живет в деревне Редькино.

ГЛАДКОВ Арсанофий Гурьянович родился 24 декабря 1925 года в селе Ягодное. Призван в Красную Армию 12 января 1943 года. Сержант, наводчик средних танков. Воевал в составе 56-й танковой бригады на 1-м и 3-м Украинском фронтах. Ранен. Награжден орденами Красной Звезды, Славы III степени, Отечественной войны II степени, медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Демобилизован в 1945 году. Работал скотником в колхозе “Октябрь”. Умер 1 мая 2001 года, похоронен на кладбище села Ягодное.

ДАНИЛОВ Андрей Дмитриевич родился 12 февраля 1924 года в деревне Скаты Белозерского района. Гвардии старший сержант, командир отделения. Воевал с июня 1944 года в составе 298-го гвардейского стрелкового полка. Награжден орденом Славы III степени. Умер в 1998 году, похоронен на городском кладбище.

ДАНИЛОВ Сергей Дмитриевич родился 18 сентября 1922 года в селе Скаты. Призван 13 октября 1941 года. Рядовой, ездовой. Воевал с февраля 1942 года в составе 125-го стрелкового полка на Калининградском фронте. Ранен. Награжден орденом Славы III степени, медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Демобилизован в 1946 году. Работал скотником, конюхом в колхозе имени Суворова. Умер 10 декабря 1997 года, похоронен на кладбище села Скаты.

ДЕМИДОВ Николай Иосифович родился 17 февраля 1921 года в селе Рычково. Призван в ноябре 1942 года. Командир санитарного взвода. Воевал в составе 981-го стрелкового полка 253-й стрелковой дивизии. Принимал участие в разгроме банд бандеровцев. Награжден орденами Славы III степени, Красной Звезды, медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Демобилизован по ранению в 1945 году.

Работал председателем городского комитета Красного Креста, председателем ДСО “Медик” и “Спартак”, заместителем главного врача областной санэпидстанции.

ЕГОРОВ Семен Васильевич родился 3 февраля 1918 года в деревне Монастырка Щучанского района. Призван 16 сентября 1939 года. Рядовой, водитель. Воевал в составе 59-й стрелковой дивизии на Дальнем Востоке. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени, медалью “За победу над Японией”. Демобилизован в 1946 году. Работал слесарем в Боровлянском леспромхозе.

Умер 21 октября 1988 года, похоронен на кладбище села Боровлянка.

КАДОЧНИКОВ Дмитрий Степанович родился 8 августа 1922 года в селе Большое Зарослое. Призван в январе 1941 года. Старший сержант, командир стрелкового отделения. Воевал в составе 149-го отдельного лыжного батальона 1146-го стрелкового полка. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны I степени, медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Демобилизован в 1946 году. Работал трактористом. Умер 19 февраля 1999 года, похоронен на кладбище города Курган.

КАТКОВ Гурий Филиппович родился 7 января 1920 года в деревне Поляково Упоровского района. Призван в 1939 году. Ефрейтор, сапер-разведчик. Воевал в составе 25-й армии на 1-м Дальневосточном фронте. Дважды ранен. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени, медалью “За победу над Японией”. Демобилизован в 1945 году. Работал засыпщиком шихты на Стекольном заводе. Умер 28 июня 1990 года, похоронен на кладбище поселка Стеклозавод.

КОРЮКИН Василий Фролович родился 12 февраля 1916 года в селе Нижнетобольное. Призван в Красную Армию 15 октября 1937 года. Рядовой. Воевал в составе 882-й отдельной кабельной роты 22-й армии на Калининском фронте. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени, медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Демобилизован 12 мая 1946 года. Работал водителем в колхозе “Маяк”. Живет в селе Нижнетобольное.

КОСАЧЕВ Василий Данилович родился 6 августа 1925 года в деревне Песьяное Белозерского района. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени, медалями “За отвагу”, “За оборону Сталинграда”, “За взятие Будапешта”. Работал в колхозе “Родина”. Умер 7 января 1996 года, похоронен на кладбище села Шастово.

КОСАЧЕВ Иван Сергеевич родился 10 апреля 1919 года в деревне Романово. Призван в Красную Армию в 1939 году. Принимал участие в войне с белофиннами. Гвардии сержант, командир миномета. Воевал в составе 315-го гвардейского стрелкового полка. Участник знаменитого десанта Кунникова. Тяжело ранен. За мужество и героизм в бою за Малую Землю награжден орденом Славы III степени, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги”. В 1945 году демобилизован по инвалидности. Работал учетчиком в колхозе “Дружба”. Умер 16 августа 1949 года, похоронен на кладбище деревни Романово.

КОТЕЛЬНИКОВ Петр Александрович родился 16 ноября 1925 года в селе Тебеняк. Призван в январе 1943 года. Рядовой, радист-пулеметчик. Воевал в танковой бригаде на Центральном, Белорусском фронтах, дошел до Берлина. Освобождал города Глухов, Нежин, Минск. Форсировал Вислу и Одер. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени, медалями “За взятие Берлина”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.” В 1949 году демобилизован. Работал кочегаром, оператором котельной на дрожзаводе, теплоэлектростанции. Живет в городе Кургане.

КРИВОШЕКОВ Владимир Степанович родился 15 июля 1924 года в деревне Редуть Мишкинского района. Призван в 1943 году. Командир отделения. Воевал в составе 362-го гаубично-артиллерийского полка на 1-м Белорусском фронте. Награжден орденами Славы II и III степени, Отечественной войны I и II степени, медалями “За отвагу”, “За взятие Берлина”. Демобилизован в 1945 году. Работал в Боровлянском леспромхозе мастером. Живет в городе Кургане.

КУЗНЕЦОВ Василий Макарович родился 27 марта 1910 года в деревне Зюзино. Призван 15 июля 1941 года. Сержант, стрелок. Воевал в составе 243-й отдельной истребительной противотанковой арtdивизии на Калининском и 2-м Украинском фронтах. Награжден орденами Славы III степени, Красной Звезды, медалями “За отвагу”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.” Демобилизован 6 ноября 1945 года. Умер 10 января 1993 года, похоронен на кладбище села Колташево.

ЛИТВИНОВ Яков Григорьевич родился 30 ноября 1924 года в деревне Куликово. Призван в апреле 1942 года. Гвардии сержант, командир пулеметно-зенитного отделения. Воевал в составе 9-й воздушно-десантной бригады на 3-м Украинском фронте. За спецзадания в тылу противника награжден орденом Славы III степени. Награжден медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.” Воевал в Белоруссии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Демобилизован в 1947 году. Работал бригадиром в совхозе “Тобол”. Живет в деревне Куликово.

МАЛЬЦЕВ Павел Григорьевич родился 8 января 1925 года в деревне Зимино. Командир орудия. Воевал на 3-м Белорусском фронте. Награжден орденами Красной Звезды, Славы III степени, Отечественной войны I степени, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги”, “За взятие Кенигсберга”, “За взятие Берлина”. Несколько раз ранен. В 50-х годах демобилизован. Работал начальником инструментального отдела КМЗ. Умер в 1998 году, похоронен на городском кладбище.

МЕЛЬНИКОВ Александр Дмитриевич родился 9 августа 1926 года в деревне Охотино. Призван в июне 1943 года. Сержант, механик-водитель танка Т-34. Воевал на 1-м Украинском фронте в составе 70-й бригады 9-го корпуса 3-й танковой армии. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями “За взятие Берлина”, “За освобождение Праги”. Ранен. Демобилизован в 1948 году. Работал наладчиком на механическом и арматурном заводе, на Курганмашзаводе. Умер 25 февраля 2003 года. Похоронен на городском кладбище.

МЕЛЬНИКОВ Петр Егорович родился 12 февраля 1924 года в деревне Полевая. Призван в августе 1942 года. Гвардии сержант, командир отделения. Воевал в составе 298-го гвардейского парашютно-десантного полка на Карельском, 3-м Украинском фронтах. Тяжело ранен. Награжден орденами Славы II и III степени, медалями “За взятие Вены”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Демобилизован в 1947 году. Работал трактористом, комбайнером в колхозе имени Жданова. Умер 4 марта 2001 года, похоронен на кладбище села Скопино.

МЕНЩИКОВ Григорий Тимофеевич родился 27 декабря 1908 года в деревне Нижнетобольное. Призван 22 июня 1941 года. Рядовой, стрелок. Воевал в составе 74-го, 117-го стрелковых полков. Трижды ранен. Награжден орденом Славы III степени, медалями “За отвагу”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Демобилизован в декабре 1945 года. Работал бригадиром в колхозе “Красный Маяк”. Умер 7 февраля 2000 года, похоронен на кладбище села Нижнетобольное.

МЕНЩИКОВ Дмитрий Павлович родился 1 декабря 1924 года в деревне Ачикуль. На фронт ушел добровольцем 1 мая 1943 года. Старший сержант, механик-водитель танка Т-34. Воевал в составе 159-й Краснознаменной танковой бригады. Награжден орденами Славы III степени, Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны II степени, двумя медалями “За отвагу”, медалями “За боевые заслуги”, “За взятие Кенигсберга”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Демобилизован в 1947 году. Работал трактористом, водителем в Курганском лесхозе. Живет в городе Кургане.

МОСКВИН Михаил Иванович родился 21 ноября 1923 года в селе Рычково. Младший лейтенант, командир стрелкового взвода. Воевал с октября 1942 года в составе 92-го стрелкового полка. Награжден орденом Славы III степени, медалями “За отвагу”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Дважды ранен. После войны жил в городе Курган. Умер в 15 декабря 1990 году. Похоронен на городском кладбище.

МОСКВИН Федор Ксенофонович родился 13 февраля 1921 года в деревне Гореве Белозерского района. В Красную Армию призван в июле 1941 года. Рядовой. Освобождал Румынию, Венгрию, Австрию, Югославию, разоружал власовцев. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны I степени, медалями “За оборону Кавказа”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Ранен. Демобилизован в октябре 1946 года. Работал в объединении “Курганприбор”. Живет в городе Кургане.

НАУМЕНКО Михаил Матвеевич родился 6 января 1924 года в поселке Стеклозавод. Призван в Красную Армию 14 августа 1942 года. Ефрейтор, разведчик. Воевал в составе 18-го отдельного саперного батальона на 1-м Белорусском фронте. Награжден орденами Славы II и III степени, медалью “За взятие Берлина”. Демобилизован 4 февраля 1947 года. Работал водителем на Стекольном заводе. Умер 30 июня 1984 года, похоронен на кладбище поселка Стеклозавод.

ПЕТРОВ Дмитрий Петрович родился 8 ноября 1923 года в селе Иковское. Призван в Красную Армию в 1942 году. Старший сержант, командир минометного расчета. Воевал в составе 164-го полка 33-й стрелковой дивизии на Прибалтийском фронте. Дважды ранен. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги”. Демобилизован в 1945 году. Работал в сельхозтехнике инженером, заведующим зернотока в колхозе. Умер 3 марта 2001 года, похоронен на кладбище села Большой Камаган.

ПЕТУХОВ Николай Абрамович родился 5 декабря 1910 года в городе Кургане. Призван в августе 1941 года. Рядовой, орудийный номер. Воевал в составе 324-го артиллерийского истребительного противотанкового полка на 2-м и 3-м Украинском фронтах. Орденом Славы III степени награжден за взятие города Бендеры. Награжден медалью “За боевые заслуги”. Демобилизован в октябре 1945 года. Работал трактористом, кузнецом, плотником, мельником в колхозе имени Ленина. Умер 12 января 1997 года, похоронен на кладбище деревни Екимово.

ПЛЯХИН Алексей Михайлович родился 3 октября 1918 года в деревне Кабаково. Призван в 1941 году. Старшина, механик-водитель. Воевал в составе 1-го Белорусского фронта. Награжден орденом Славы III степени, двумя орденами Отечественной войны I степени, двумя медалями “За отвагу”, медалью “За взятие Берлина”. Демобилизован в июле 1945 года. Работал в областной газете “Советское Зауралье”. Член Союза писателей России. Живет в городе Кургане.

ПОДГОРБУНСКИХ Петр Куприянович родился 22 июля 1923 года в деревне Ачикуль. Призван в 1941 году. Воевал в составе 30-й и 11-й мотострелковых бригад 10-го танкового корпуса на Западном и 1-м Украинском фронтах. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны I степени, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги”. После войны продолжил службу в армии. В декабре 1963 года демобилизован. Подполковник. Работал механиком, инженером по безопасности движения, техником в автоколонне 1229. Живет в городе Кургане.

ПРИХОДЬКО Михаил Данилович родился 14 ноября 1917 года в селе Меншиково. Призван в 1939 году. Ефрейтор, пограничник. В составе 157-го полка освобожден от японцев Южный Сахалин. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны I степени, медалью “За победу над Японией”. После демобилизации работал корреспондентом газеты “Красный Курган”, ответственным секретарем “Блокнота агитатора”. Награжден медалью “За освоение целинных земель”. Умер 7 января 2000 года, похоронен на кладбище Зайково.

РУСАЕВ Павел Иванович родился в 1907 году в деревне Першино Белозерского района. Призван в Красную Армию в июле 1942 года. Рядовой, сапер-минер. Воевал под Сталинградом, на Курской дуге, форсировал Днепр и Вислу. Награжден орденом Славы II и III степени. Погиб в бою 4 марта 1945 года. Похоронен в Польше.

РУСАКОВ Степан Зиновьевич родился 28 октября 1916 года в деревне Боровое. 30 июля 1941 года ушел на фронт. Старший сержант, командир саперного взвода 107-го гвардейского отдельного саперного батальона. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, Славы III степени, медалями “За отвагу”, “За оборону Сталинграда”, “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина”. Демобилизован в 1946 году. Работал слесарем на Варгашинском заводе противопожарного оборудования. Умер 4 августа 1991 года, похоронен на кладбище деревни Кабанье.

РЯБОВ Денис Степанович родился 28 июня 1913 года в деревне Стенниково. Призван в Красную Армию в июне 1942 года. Рядовой, ездовой. Воевал в составе 3-го батальона 152-го стрелкового полка 36-й армии на Забайкальском фронте. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени, медалью “За победу над Японией”. Демобилизован в 1945 году. Работал на Стекольном заводе. Живет в поселке Стеклозавод.

РЯЗАНОВ Александр Павлович родился 31 марта 1925 года в селе Речкино Белозерского района. Призван в Красную Армию 8 января 1943 года. Сержант, стрелок. Воевал на 2-м Белорусском фронте. Тяжело ранен. Награжден орденом Славы III степени, медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Демобилизован в 1944 году по инвалидности. Награжден медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”. Умер 7 января 2001 года, похоронен на кладбище села Речкино.

СЛОБОЖАНИН Иван Ефимович родился в 1906 году в селе Ключевское Кировской области. Призван в Красную Армию в 1941 году. Минометчик. Воевал на 3-м Белорусском фронте. Четырежды ранен. Награжден орденом Славы III степени и медалью “За отвагу”. Демобилизован в 1945 году. Работал строителем на Стекольном заводе. Умер в 1997 году, похоронен на кладбище города Кургана.

СТЕННИКОВ Василий Иванович родился 14 апреля 1923 года в деревне Скатово Белозерского района. Призван в Красную Армию в марте 1942 года. Сержант, командир отделения. Воевал в составе отдельной роты правительственной связи на Дальневосточном фронте. Награжден орденами Славы III степени, Красной Звезды, медалями “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”, “За победу над Японией”. Демобилизован в мае 1949 года. Умер 11 июня 1984 года.

СТЕПАНОВ Дмитрий Никитич родился 5 сентября 1918 года в деревне Малое Зарослое. На фронте с осени 1942 года. Рядовой, минометчик. Воевал в составе 363-го стрелкового полка 113-й дивизии на Северо-Западном и 2-м Украинском фронте. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени, медалью “За отвагу”. Демобилизован 20 марта 1946 года. Работал в колхозе имени Фрунзе. Живет в селе Большой Камаган.

ЧЕЛОВЕЧКОВ Дмитрий Александрович родился 7 ноября 1927 года в деревне Худяково. Призван в Красную Армию 17 декабря 1942 года. Старший сержант, автоматчик. Воевал в составе 334 -й отдельной разведывательной роты 251-й стрелковой дивизии. Награжден орденами Красной Звезды и Славы III степени, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.». Демобилизован в 1945 году. Работал в ветеринарной службе района. Умер 19 декабря 1998 года.

ШАВРИН Сергей Клементьевич родился 7 октября 1924 года в селе Песьяное. Призван в Красную Армию в ноябре 1942 года. Воевал в составе 30-го тяжелого артиллерийского полка. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.». Демобилизован в 1948 году. Умер 27 апреля 1997 года, похоронен на кладбище города Кургана.

ШЕШУКОВ Михаил Евгеньевич родился 20 ноября 1927 года в деревне Мокино Белозерского района. Призван в Красную Армию в ноябре 1944 года. Сержант, стрелок. Воевал с августа 1945 года в составе 291-го стрелкового полка на Забайкальском фронте. Награжден орденом Славы III степени, медалью «За победу над Японией». Демобилизован в мае 1951 года. Умер 12 июня 1989 года.

ЯЧМЕНЕВ Петр Артемьевич родился 24 сентября 1925 года в деревне Анаково. Призван в Красную Армию 17 апреля 1943 года в 72-й учебный полк. Младший сержант, наводчик пушки. Воевал в составе 54-го артиллерийского полка 20-й легкой артиллерийской бригады 62-й армии. Награжден орденом Славы III степени, двумя медалями «За отвагу», медалями «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.». Демобилизован в 1950 году. Работал водителем в колхозе «Дружба». Живет в деревне Песьяное.

ЕЛАНЦЕВ Федор Лаврентьевич родился 19 февраля 1914 года в деревне Бралгина Каргапольского района. Призван в Красную Армию в апреле 1942 года. Рядовой, сапер. Воевал в составе 186-го отдельного саперного батальона. Награжден орденом Славы III степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.». Демобилизован в июне 1943 года. Умер 4 декабря 1998 года, похоронен на кладбище села Ягодное.

* * *

*Разочарованным героем
В себя и в быт не уходи.
Еще идет разведка боем,
Еще сраженья впереди.*

*Да не смутят тебя разруха,
Верхов мышинная возня.
Еще идет закалка духа
При свете Вечного огня.*

*Одна любовь. Одна присяга,
Одна великая страна.
Уже строка: «Назад ни шагу!»
В приказ на завтра внесена.*

Виктор ВЕРСТАКОВ